

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

ПОЛНОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

*Сидни Шелдон —
писатель №1
в мире!*

Оборотная сторона полуночи

Сидни Шелдон

Полночные воспоминания

«АСТ»

1990

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шелдон С.

Полночные воспоминания / С. Шелдон — «АСТ»,
1990 — (Оборотная сторона полуночи)

ISBN 978-5-17-092722-7

Прошлого – нет. Памяти – нет. Нет ничего, кроме роскошного особняка, в котором страдающая амнезией молодая женщина живет под крылом у своего таинственного покровителя-магната. Но постепенно – обрывками, моментами – к ней начинают возвращаться воспоминания. А вместе с ними – неизбывное ощущение смертельной опасности, которая ей угрожает...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-092722-7

© Шелдон С., 1990

© АСТ, 1990

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сидни Шелдон

Полночные воспоминания

Sidney Sheldon
MEMORIES OF MIDNIGHT

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1990

© Перевод. Т. П. Матц, 1995

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Александре с любовью посвящается

*Не пой мне песен о солнечном свете.
Солнце – враг влюбленных.
Пой мне о сумерках и тенях
И о полночных воспоминаниях.*

Санфо

Пролог

Коулун – май 1949 года

– Нужно, чтобы выглядело как несчастный случай. Сможете?

Его оскорбляли. Он чувствовал, что начинает злиться. Такой вопрос можно задать только новичку с улицы. Он едва удерживался, чтобы не сказать с сарказмом: *да, полагаю, что справлюсь. Вы предпочитаете, чтобы несчастный случай произошел в помещении? Тогда она упадет с лестницы и сломает себе шею. Как танцовщица из Марселя. Или она спьяну утонет в ванне. Как наследница из Гштада. А может, она переборщит с героином.* Этим способом он покончил с тремя. *Еще она может заснуть с горящей сигаретой.* Так он разделался со шведом-детективом в гостинице на левом берегу Сены в Париже. *Или вы желаете несчастный случай на свежем воздухе? К вашим услугам авто- или авиакатастрофа или же исчезновение в море.*

Но ничего такого он не сказал, потому что, говоря откровенно, человек, сидящий напротив, внушал ему страх. Слишком много ужасного о нем рассказывали, и у него были все основания этим рассказам верить.

Поэтому он ограничился тем, что сказал:

– Да, сэр, я могу организовать несчастный случай. Никто никогда не узнает.

Он едва успел это сказать, как его осенило: *он знает, что я буду знать.* Он замолчал.

Они сидели на третьем этаже здания в городе Коулун, построенном китайцами в 1840 году и окруженном стеной для защиты от британских варваров. Стена была снесена во время Второй мировой войны, но остались другие стены, которые заставляли посторонних держаться подальше от города: на узких кривых улочках и темных лестницах, ведущих во мрак, господствовали банды головорезов, наркоманов и насильников. Туристам сюда приезжать не рекомендовали, и даже полиция не отваживалась появляться на улице Тун Тауцен, что на окраине. Через окно до него доносились уличный шум и хриплые выкрики жителей квартала, говорящих на разных языках.

Холодные, цвета обсидиана глаза сидящего напротив него человека продолжали изучать его. Наконец он заговорил:

– Прекрасно. Как это сделать, решите сами.

– Да, сэр. Женщина в Коулуне?

– В Лондоне. Ее зовут Кэтрин. Кэтрин Александер.

Роскошный автомобиль, за которым следовала машина с телохранителями, доставил мужчину с глазами цвета обсидиана в Голубой дом на Ласкар-роу, в районе Цим Шаууй. Голубой дом предназначался только для избранных. Среди его посетителей были главы государств, звезды кино и президенты корпораций. Дирекция дома гордилась тем, что умела держать язык за зубами. Лет шесть назад девушка, работавшая в доме, рискнула поболтать о своих клиентах с журналистом. На следующее утро ее труп выловили в гавани Абердин. Язык был вырезан. В Голубом доме можно было купить все: девственницу, мальчика, лесбиянку, способную достичь оргазма без помощи мужского члена, или животное. Насколько ему было известно, это было единственное место, где до сих пор не забыли древнего искусства ишинпо. Голубой дом был царством запрещенных удовольствий.

На этот раз мужчина с обсидиановыми глазами заказал близнецов. Они были удивительно похожи, хороши собой, оба с великолепными фигурами и полным отсутствием каких-либо запретов. Он припомнил свой последний визит в этот дом: металлический стул без сиденья и

их мягкие ласковые языки и пальцы, а затем ванну с душистой теплой водой, переливающейся через край, и их губы, ласкающие его тело. Он почувствовал, что начинает возбуждаться.

– Мы прибыли, сэр.

Тремя часами позже, удовлетворенный и в хорошем расположении духа, мужчина приказал шоферу ехать на Моуди-роуд. Сквозь окно машины он видел сверкающие огни города, который, казалось, никогда не спал. Китайцы называли его Гаулун – девять драконов. Он представил себе этих драконов в горах над городом, готовых в любой момент спуститься вниз и уничтожить слабых и незащищенных. Сам он не был ни тем ни другим.

Но вот они уже на Моуди-роуд.

Ожидавший его священник-даосист¹ казался сошедшим с древнего пергамента, возможно, из-за классического блеклого восточного одеяния и длинной седой бороды.

– Jou sahn.

– Jou sahn.

– Gei do chihn?

– Yat-chihn.

– Jou.

Священник прикрыл глаза и в беззвучной молитве начал потряхивать chim – деревянную чашу с определенным числом молитвенных палочек. Одна палочка выпала, и тогда священник перестал трясти чашу. Молча он сверился с таблицей и повернулся к приезжему. По-английски он изъяснялся с трудом: «Боги говорят, ты скоро избавишься от опасного врага».

Мужчина с обсидиановыми глазами почувствовал приятное возбуждение. Он был слишком умен, чтобы не понимать, что древнее искусство chim – просто предрассудок. Но он был и слишком умен, чтобы пренебречь им. Был и еще один добрый знак. Сегодня был день святого Константина, его день рождения.

– Боги благословили тебя хорошим fung shui.

– Do jeh.

– Hou wah.

Пятью минутами позже он уже сидел в машине, направляющейся в Кайтак, аэропорт Гонконга, где его ждал личный самолет, готовый вылететь в Афины.

¹ Даосизм – китайское религиозное и философское течение, возникшее в IV–III вв. до н. э. Один из его основателей – Лао-цзы. Некоторые приверженцы этой религии пытаются достичь бессмертия при помощи магии. – *Примеч. пер.*

Глава 1

Янина, Греция – июль 1948 года

Каждую ночь она просыпалась от собственного крика. Один и тот же сон преследовал ее: сильный шторм, она на середине озера, а мужчина и женщина удерживают ее голову под ледяной водой, пытаясь ее утопить. И каждый раз она просыпалась в ужасе, задышавшись, вся мокрая от пота.

Она не имела представления, кто она такая, и ничего не помнила из своего прошлого. Говорила она по-английски, но не помнила, где родилась и как оказалась в Греции, в маленьком монастыре кармелиток, который приютил ее.

Шло время, и иногда в ее памяти вспыхивали и быстро исчезали смутные видения, которые ей не удавалось удержать, чтобы в них разобраться. Такое случалось настолько неожиданно, что заставляло ее врасплох и приводило в смятение.

Сначала она задавала вопросы. Монахини-кармелитки были очень доброжелательны по отношению к ней, но все они были верны обету молчания, и только матери-настоятельнице, старой и хрупкой сестре Терезе, было разрешено говорить.

– Вы знаете, кто я?

– Нет, дитя мое, – сказала сестра Тереза.

– Как я сюда попала?

– У подножия гор есть деревня, которая называется Янина. Тебя нашли в прошлом году во время шторма на озере. Ты была в маленькой лодке, которая затонула, но, слава Господу, две наши сестры заметили тебя, спасли и привели сюда.

– Да... Но где я была до того?

– Прости меня, дитя мое. Я не знаю.

Она никак не могла успокоиться:

– Неужели никто меня не разыскивал? Никто не спрашивал?

Сестра Тереза отрицательно покачала головой:

– Никто.

Ей хотелось расплакаться от огорчения. Она сделала еще одну попытку:

– А газеты... Ведь должны же они были писать о моем исчезновении?

– Как ты знаешь, мы не поддерживаем связи с внешним миром. Ты должна смириться с волей Господа нашего, дитя мое. Мы должны быть Ему благодарны за Его милость: ты же жива.

Больше ей ничего не удалось добиться. Сначала она была слишком слаба, чтобы думать о себе, но время шло, и силы ее восстанавливались.

Когда она достаточно окрепла, чтобы двигаться, она целыми днями возилась в цветущем монастырском саду, наполненном жарким светом, в который была погружена вся Греция, и куда легкий ветер доносил аромат лимонов и винограда.

И хотя все вокруг дышало покоем и безмятежностью, Кэтрин продолжала метаться. «Я исчезла, – думала она, – и никому нет до этого дела. Почему? Может быть, я сделала что-то ужасное? Кто я? Кто я? Кто я?...»

Не было покоя от непрошенных видений. Однажды она внезапно проснулась, увидев себя в какой-то комнате, а рядом – обнаженного мужчину, раздевающего ее. Кто это был? Ее муж? Значит, у нее был муж? Но на ней не было обручального кольца. У нее вообще не было никаких личных вещей, кроме одеяния монахини-кармелитки, которое ей дала сестра Тереза, и маленькой золотой булавки в виде птицы с распростертыми крыльями и рубиновыми глазами.

Она была никто, чужая среди чужих. Не было никого, кто бы мог ей помочь, даже психиатра, который бы сказал ей, что после перенесенной ею тяжелой мозговой травмы она сможет сохранить рассудок, если только навсегда забудет о своем ужасном прошлом.

А видения все приходили, чаще и чаще. Ей казалось, что мозг ее внезапно превратился в гигантский кроссворд, пустые клетки которого постоянно заполняются. Однажды ей привиделась огромная студия, заполненная людьми в военной форме. Похоже, что снималось кино. «Может быть, я актриса?» Да нет, она чем-то руководила. Но чем?

Солдат протянул ей букет цветов. «Заплатишь за них сама», – засмеялся он.

Этот же человек приснился ей двумя ночами позже. Она прощалась с ним в аэропорту. Она проснулась в слезах, потому что теряла его.

После этого она уже не могла успокоиться. Ее видения не были похожи на простые сны. Это были кусочки ее жизни, ее прошлого. «Я должна узнать, кем я была, кто я есть».

И неожиданно, среди ночи, без предупреждения, из глубин подсознания всплыло имя: «Кэтрин. Меня зовут Кэтрин Александер».

Глава 2

Афины, Греция

Никто не смог бы обнаружить империю Константина Демириса ни на одной из карт. И тем не менее он был властелином феодального княжества, с которым по размеру и могуществу могли сравниться не многие страны мира. Он был одним из двух или трех самых богатых людей на земном шаре, и его влияние было безгранично. Несмотря на то что он не имел никакого титула и официального статуса, он мог покупать и продавать премьер-министров, кардиналов, послов и королей. Он держал в своих щупальцах десятки стран. Он умел нравиться, обладал блестящим острым умом и был хорош внешне – ростом значительно выше среднего, широкоплеч, с широкой грудью. Он был смугл, нос – типично греческий, глаза – как темные маслины. Это было ястребиное лицо, лицо хищника. Демирис мог, если хотел, быть необыкновенно очаровательным. Знал восемь языков и был прекрасным рассказчиком. Был обладателем одной из крупнейших в мире коллекций картин, нескольких самолетов и дюжины квартир, шато и вилл, разбросанных по всему свету. Он умел ценить все красивое, в частности женскую красоту. У него была репутация блестящего любовника, и его романтические приключения были так же живописны, как и финансовые.

Константин Демирис считал себя патриотом и гордился этим. Сине-белый греческий флаг всегда развевался над его виллой в Колонаки и над Псарой – его личным островом. Налогов он тем не менее не платил. Не считал нужным подчиняться правилам, обязательным для обычного человека. Ведь в его жилах текла *ichor* – кровь богов.

Почти каждый, с кем встречался Демирис, чего-то от него хотел: финансовой поддержки в деловом предприятии, взноса в благотворительный фонд или просто того влияния, которое давала дружба с ним. Демирису нравилось угадывать, что в действительности нужно просителю, так как истинная цель визита была, как правило, тщательно завуалирована. Его аналитический ум отвергал азбучные истины, и в результате он никогда не верил словам и никому не доверял. «Познай своих друзей, но еще глубже познай своих врагов» – таков был его девиз. Репортеры, которые занимались жизнеописанием Демириса, знали его только как щедрого и очаровательного светского человека с прекрасными манерами. Они и не подозревали, что за этим привлекательным фасадом скрывается убийца, человек без чести и совести, не останавливающийся ни перед чем. Он никогда ничего не забывал и никогда ничего не прощал. Слово *dikaiosini*, или справедливость, часто употреблялось как синоним слова *ekdikisis* – месть, и Демирис был одержим и тем и другим. Он помнил малейшую обиду, когда-либо нанесенную ему, и те, кто имел неосторожность вызвать его недовольство, платили сполна. Они никогда ни о чем не подозревали, потому что острый ум Демириса терпеливо вынашивал планы возмездия, придумывая хитрые ловушки, и плел паутину, в которую в конце концов попадали и в которой гибли все его враги.

Он наслаждался, часами придумывая западни для своих противников. Он тщательно изучал свои жертвы, анализировал их характер и оценивал их сильные и слабые стороны.

Однажды на обеде он случайно услышал, как один режиссер назвал его «греком с масленными глазами». Демирис терпеливо выждал момент. Двумя годами спустя режиссер вложил все свои деньги в картину, где главную роль должна была играть всемирно известная актриса. Когда съемки были в полном разгаре, Демирис очаровал героиню и уговорил ее бросить картину и отправиться с ним в путешествие на яхте.

«Это будет наш медовый месяц», – сказал он ей.

Она получила свой медовый месяц, вот только до свадьбы дело не дошло. Фильм пришлось закрыть, и режиссер обанкротился.

* * *

У Демириса оставалось на прицеле еще несколько человек, с кем он пока не свел счета, но спешить было некуда. Он получал огромное наслаждение от предвкушения их гибели, вынашивания планов и их осуществления. Новых врагов у него уже не появлялось, так как никто не мог позволить себе роскошь стать его врагом. Поэтому среди намеченных жертв были только те, кто перешел ему дорогу в прошлом.

Однако чувство *dikaiosi* у Константина Демириса было двойственным. Если он никогда не забывал обиды, то никогда не забывал и оказанной ему услуги. Бедный рыбак, когда-то приютивший мальчика, неожиданно стал владельцем целого рыболовного флота. Проститутка, кормившая и одевавшая его, когда у него нечем было платить, чудесным образом унаследовала жилой дом. Она так и не узнала, кто же был ее благодетелем.

Демирис был сыном портового грузчика. Кроме него, в семье было еще четырнадцать детей, и еды всегда не хватало.

С раннего возраста Константин проявлял деловую смекалку. Он подрабатывал после школы и к шестнадцати годам умудрился скопить денег для покупки продовольственной палатки на паях с более старшим партнером. Торговля процветала, но партнер надул Демириса и оставил его без гроша. Демирису потребовалось десять лет, чтобы разделаться с этим человеком. Мальчик отличался огромным честолюбием. Часто он не мог заснуть ночью, глядя горящими глазами в темноту. «Я разбогатею. Я прославлюсь. Мое имя будет известно всем». Только под эту колыбельную он был способен заснуть. Как все это произойдет, он не имел представления. Но он точно знал, что так будет.

* * *

В день своего семнадцатилетия Демирис случайно прочел статью о нефтяных разработках в Саудовской Аравии, и как будто волшебная дверь в будущее открылась перед ним.

Он отправился к отцу:

– Я еду в Саудовскую Аравию. Буду работать на нефтепромыслах.

– Too-sou! Что ты в этом понимаешь?

– Ничего, отец. Но я научусь.

Месяцем позже Константин Демирис уже был в пути.

Со своими служащими из других стран Трансконтинентальная корпорация обычно заключала контракт на два года. Но Демириса это не беспокоило. Он собирался оставаться в Саудовской Аравии ровно столько, сколько ему понадобится, чтобы сколотить состояние. Ему мерещились замечательные ночные приключения, таинственная страна с экзотическими женщинами и бьющими прямо из земли фонтанами черного золота. То, что он увидел, потрясло его.

Ранним летним утром Демирис прибыл в Фадили – унылый лагерь в центре пустыни, состоящий из единственного уродливого каменного строения, окруженного *barastis* – маленькими тростниковыми хижинами. Там жили около тысячи неквалифицированных рабочих, большей частью местных жителей. Женщины, которых можно было встретить на пыльных незаасфальтированных улицах, носили чадру.

Демирис вошел в здание, где находился кабинет Д.-Д. Мак-Интайра, заведующего отделом кадров.

Когда молодой человек вошел в кабинет, Мак-Интайр поднял голову:

– Так. Значит, тебя наняли?

– Да, сэр.

– Когда-нибудь работал на нефтяных промыслах?

На какое-то мгновение Демирису захотелось соврать.

– Нет, сэр.

Мак-Интайр усмехнулся:

– Тебе здесь понравится, будь уверен. Миллион миль до ближайшего жилья, дерьмовая жратва, ни одной бабы, которой ты мог бы коснуться без того, чтобы тебе не оторвали яйца, и абсолютно не хрена делать по вечерам. Но деньги приличные, верно?

– Я хочу научиться, – сказал Демирис с воодушевлением.

– Да? Тогда учись побыстрее. Это мусульманская страна, значит, никакой выпивки. Каждому, кого поймают на воровстве, отрубают правую руку. В следующий раз – левую. В третий раз – ногу. Здесь за убийство рубят голову.

– Я не собираюсь никого убивать.

– Подожди немного, – хмыкнул Мак-Интайр, – ты ж только что приехал.

Поселок был настоящим Вавилоном, поскольку был населен людьми из разных стран, говорившими каждый на своем родном языке. У Демириса был хороший слух, и языки давались ему легко. Задачей собравшихся здесь было проложить дороги в центре негостеприимной пустыни, построить жилье, обеспечить подачу электричества и телефонную связь, построить мастерские, позаботиться о снабжении водой и продовольствием, соорудить канализационную систему, организовать медицинское обслуживание и решить, как казалось молодому Демирису, еще сотню разных задач. Работать приходилось при температуре выше 100 градусов по Фаренгейту, страдая от мух, москитов, пыли, лихорадки и дизентерии. Даже здесь, в пустыне, существовало социальное разделение. Верхние ступеньки иерархической лестницы занимали те, кто искал нефть, а самые нижние – строительные рабочие, которых здесь звали «жмуриками», и конторщики, известные как «протиратели штанов».

Геологи, изыскатели, инженеры и химики, то есть люди, занятые непосредственно бурением, были главным образом американцы, так как именно в Америке был изобретен вращающийся бур и американцы лучше умели им пользоваться. Демирис очень старался с ними подружиться.

Он постоянно крутился вокруг буровиков и не уставал задавать им вопросы. Впитывал информацию, как песок впитывает воду. Он заметил, что в ходу два разных метода бурения.

Демирис обратился к одному из бурильщиков, работавших на гигантской 130-футовой вышке:

– Интересно, почему используются два разных метода бурения?

– В одном случае, сынок, мы используем трос, а в другом – вращательное бурение. Сейчас мы предпочитаем последнее. А начинаются оба с одного и того же.

– Разве?

– Конечно. И в том и в другом случае нужна вот такая вышка, как эта, чтобы поднимать оборудование и затем опускать его в скважину. – Он взглянул на заинтересованного молодого человека. – Могу поклясться, ты не знаешь, почему они называются derrick.

– Не знаю, сэр.

– Так звали знаменитого палача, который жил в XVII веке.

– Понятно.

– Бурение с помощью тросов – очень старый метод. Сотни лет им пользовались китайцы для сооружения колодцев. Они рыли яму в земле при помощи режущего инструмента, который они поднимали и опускали на тросе. Сейчас, однако, восемьдесят пять процентов всех скважин бурят ротационным способом. – Он повернулся, чтобы снова приняться за работу.

– Простите, а в чем заключается ротационный способ?

Мастер остановился:

– Ну, вместо того чтобы пробивать яму в земле, мы ее просто бурим. Смотри сюда. В центре вышки имеется стальной бур, который приводится в движение машиной. Специальное приспособление захватывает и вращает бур, который с помощью этого приспособления движется вниз.

– Выглядит довольно просто, не так ли?

– На деле все сложнее. По мере бурения нужно выбирать породу. Необходимо также следить, чтобы стенки не осыпались, да еще откачивать из скважины воду и газ.

– А бур тупится от бурения?

– Разумеется. Приходится вытаскивать всю эту чертову штуку, менять наконечник и снова опускать бур в скважину. А ты что, бурильщиком стать хочешь?

– Нет, сэр. Я собираюсь занять несколько нефтяных скважин.

– С чем и поздравляю. Могу я теперь вернуться к работе?

Как-то утром Демирис заметил, что опущенный в скважину бур, вместо того чтобы двигаться вниз, начал бурить по окружности, поднимая наверх куски породы.

– Простите, а сейчас вы что делаете?

Бурильщик утер пот со лба:

– Пробу берем, для анализа. Чтобы определить, есть ли здесь нефть.

– Понятно.

Демирис заметил, что, когда дела шли хорошо, бурильщики кричали друг другу: «Поворачиваю направо». Это означало, что они принимают за новую скважину. Вокруг было множество небольших дыр диаметром, достигающим иногда не больше двух-трех дюймов.

– Простите, а это зачем? – спросил юноша.

– Это изыскательские скважины. Чтобы узнать, что там, внизу. Компания экономит на этом много времени и денег.

– Понятно.

Молодому человеку все было интересно, и он замучил всех вопросами.

– Извините, а откуда вы знаете, где бурить?

– У нас полно геологов – «ищеек», которые берут замеры и изучают пробы из скважин. Затем – «канатоглотатели»...

– А это кто такие?

– Бурильщики. Они...

Константин Демирис работал с раннего утра до заката, таскал буровые установки по раскаленной пустыне, чистил оборудование и сидел за рулем грузовиков, гоняя их мимо огненных факелов, полыхающих день и ночь, – сжигались вредные газы. Мистер Мак-Интайр сказал правду. Жратва была дрянная, условия жизни и того хуже, а вечером совершенно нечего было делать. Демирису, кроме всего прочего, все время казалось, что поры его тела пропитаны песком. Пустыня напоминала живое существо, от которого некуда было деться. Песок проникал в хижину, сквозь одежду, в него самого. Ему казалось, что он сходит с ума. Потом стало еще хуже.

Начался шемал². Каждый день в течение целого месяца свирепый ветер, завывая, гнал тучи песка с настойчивостью, способной свести с ума.

Демирис наблюдал за песчаными вихрями из двери своей хижины:

– Мы и сегодня будем работать?

– А как же, мать твою... Здесь тебе не курорт.

Всюду вокруг них находили нефть. Сначала в Абу-Хадрия, затем в Катифе, потом в Хараде. Поэтому рабочих заставляли работать все больше и больше.

Прибыли новички – геолог-англичанин с женой. Генри Поттеру было около шестидесяти, а его жене Сибил – чуть за тридцать. В любой другой ситуации Сибил Поттер показалась бы толстой дурнушкой с визгливым неприятным голосом. В Фадили она показалась мужчинам настоящей красавицей. Поскольку Генри Поттеру в погоне за нефтью приходилось подолгу бывать в отъезде, его жена часто оставалась одна.

Молодому Демирису поручили помочь ей перебраться на новую квартиру и обустроиться.

– Хуже этого места мне ничего не приходилось видеть, – плаксиво жаловалась она. – Генри вечно таскает меня по всяким ужасным местам вроде этого. Не понимаю, почему я все это терплю.

– У вашего мужа важная работа, – заверил ее Демирис.

Она окинула привлекательного молодого человека оценивающим взглядом:

– Мой муж выполняет далеко не все свои обязанности. Вы понимаете, о чем я говорю?

Демирис прекрасно понимал.

– Нет, мэм.

– Как вас зовут?

– Демирис, мэм. Константин Демирис.

– А как вас называют друзья?

– Коста.

– Что ж, Коста, я думаю, мы с тобой подружимся. У нас с тобой уж точно нет ничего общего с этими чужаками, так ведь?

– Чужаками?

– Ну, с этими, знаешь, иностранцами.

– Я должен идти работать, – сказал Демирис.

В течение нескольких следующих недель Сибил Поттер все время выискивала предлоги, чтобы послать за юношей.

– Генри снова утром уехал, – говорила она ему. – Что-то такое бурить. – И добавляла капризно: – Лучше бы побольше бурил дома.

Демирис не знал что сказать. Геолог был очень важной фигурой в иерархии компании, и Демирис вовсе не собирался путаться с его женой и рисковать при этом потерять работу. Он не знал еще каким образом, но был совершенно уверен, что именно с помощью Сибил ему удастся добиться всего, о чем он мечтает. За нефтью было будущее, и он твердо намеревался не упустить свой шанс.

Как-то Сибил послала за Демирисом в полночь. Он подошел к дому, где она жила, и постучал.

– Входи. – На Сибил была прозрачная ночная рубашка, которая, увы, ничего не скрывала.

– Я... вы посылали за мной, мэм?

– Да, входи, Коста. Тут вот ночник, похоже, не работает.

² Северо-западный ветер, характерный для Персидского залива.

Демирис отвел глаза и подошел к лампе. Поднял ее, осмотрел:

– Здесь нет лампочки... – Он почувствовал, как она прижалась к его спине и обхватила его руками. – Миссис Поттер...

Но она зажала ему рот поцелуем и повалила на постель. Он потерял контроль над собой.

Сорвав с себя одежду, он овладел ею и услышал ее восторженный возглас: «Еще! Пожалуйста, еще! Господи, как давно это было!»

Вздвогнув, она застонала:

– Дорогой мой, я люблю тебя.

Демирис лежал рядом и с ужасом думал: «Что я натворил! Если Поттер узнает, со мной кончено».

Сибил, казалось, прочла его мысли и хихикнула:

– Это будет нашей маленькой тайной, не так ли, радость моя?

Их маленькая тайна растянулась на несколько месяцев. Избавиться от Сибил не было возможности, а поскольку ее муж, занимаясь изысканиями, отсутствовал иногда по нескольку дней, у Демириса не было причины отказываться заниматься с ней любовью. Хуже того, Сибил Поттер страстно в него влюбилась.

– Ты слишком хорош для этого убогого места, – говорила она. – Мы с тобой вернемся в Англию.

– Мой дом – Греция.

– Было и прошло, – сказала она, лаская его стройное тело. – Ты вернешься со мной. Я разведусь с Генри, и мы поженимся.

Демирис внезапно почувствовал, как его охватывает паника:

– Сибил, я... у меня нет денег. Я...

Она поцеловала его:

– Это не проблема. Я знаю, как можно заработать, милый.

– И как же?

Она села в постели:

– Прошлой ночью Генри рассказал мне, что только что обнаружил большие запасы нефти. Ты же знаешь, он это умеет. Он был сильно взволнован по этому поводу. Написал отчет и велел отправить его с утренней почтой. Он у меня здесь. Хочешь посмотреть?

Сердце Демириса забилося.

– Да, я бы... хотел.

Она выбралась из постели и проковыляла к маленькому, выдавшему виды столику в углу. Там она взяла большой плотный конверт и вернулась с ним в постель.

– Открой!

Демирис колебался не больше секунды. Он открыл конверт и достал бумаги. Всего пять страниц. Он бегло просмотрел их, а затем начал внимательно читать.

– Это чего-нибудь стоит?

Это чего-нибудь стоит!.. Это был отчет о новом месторождении нефти, возможно, самом богатом за всю историю нефтедобычи.

Демирис откашлялся:

– Да... очень может быть.

– Ну, что я говорила? – весело сказала Сибил. – Теперь у нас есть деньги.

Он вздохнул:

– Все не так просто.

– Почему?

– Эта информация представляет ценность для человека, у которого есть деньги, чтобы купить право на эту землю, – объяснил Демирис. У него же самого на банковском счете было триста долларов.

– Об этом не беспокойся. У Генри есть деньги. Я выпишу чек. Пяти тысяч долларов хватит?

Константин Демирис не верил своим ушам.

– Я... я просто не знаю, что сказать.

– Это для нас, дорогой. Ради нашего будущего.

Он сел в постели и постарался сосредоточиться.

– Сибил, как ты думаешь, ты можешь задержать отправку этого отчета на день-два?

– Конечно. Даже до пятницы. Этого хватит, дорогой?

Он кивнул:

– Вполне.

За пять тысяч долларов, взятых у Сибил (в долг, как он говорил сам себе), Константин Демирис приобрел право на землю вокруг предполагаемого месторождения. Через несколько месяцев, когда на главной буровой забили нефтяные фонтаны, Константин Демирис в одно мгновение стал миллионером. Он вернул Сибил Поттер пять тысяч долларов, послал ей новую ночную рубашку и вернулся в Грецию. Она никогда больше его не видела.

Глава 3

Существует теория, что в природе ничто не исчезает бесследно. Каждый звук, каждое когда-либо произнесенное слово продолжают существовать где-то во времени и пространстве и однажды могут быть услышаны вновь.

Пока не было изобретено радио, много ли нашлось бы людей, верящих, что воздух вокруг нас наполнен звуками музыки и голосами со всех концов света? Когда-нибудь мы научимся путешествовать во времени и сможем послушать обращение Линкольна в Геттисберге, услышать голос Шекспира и Нагорную проповедь...

Кэтрин Александер слышала голоса, доносившиеся из прошлого, но они были невнятные и бессвязны и только приводили ее в смятение...

«Знаешь, Кэт, ты необыкновенная девушка. Я это почувствовал сразу, как только тебя увидел...

Все кончено. Мне нужен развод. Я люблю другую.

Я знаю, я вел себя скверно... Постараюсь все наладить...

– Он пытался меня убить.

– Кто пытался тебя убить?

– Мой муж».

Голоса продолжали звучать. Они мучили ее. Прошлое превратилось в калейдоскоп картинок, стремительно пронесившихся у нее в голове.

Монастырь, этот прекрасный мирный уголок, внезапно стал для нее тюрьмой. «Я здесь чужая. Но где же мое место?» Кэтрин не имела об этом представления.

Хотя в монастыре не было ни одного зеркала, за садом был пруд, ровная гладь которого прекрасно отражала все вокруг. Кэтрин старательно обходила его, страшась того, что может в нем увидеть. Но в это утро она подошла к пруду, медленно опустилась на колени и посмотрела вниз. Она увидела прелестную загорелую брюнетку с правильными чертами лица и грустными серыми глазами, в которых стояла боль... Впрочем, возможно, ей это просто показалось. Еще она увидела крупный улыбчивый рот и слегка вздернутый нос – красивую женщину тридцати с небольшим лет. Женщину, у которой не было ни прошлого, ни будущего. Женщину, потерявшую себя. «Мне нужен кто-то, кто бы мог мне помочь, – подумала Кэтрин, – кто-нибудь, с кем я могла бы поговорить». Она направилась в кабинет сестры Терезы.

– Сестра...

– Да, дитя мое?

– Я... Мне кажется, мне стоит показаться доктору. Может быть, он сможет выяснить, кто я.

Сестра Тереза внимательно посмотрела на нее:

– Садись, дитя мое.

Кэтрин опустилась на стул с жестким сиденьем у старого письменного стола.

Сестра Тереза тихо промолвила:

– Милая моя, твой доктор – Бог. Когда Он сочтет нужным, ты узнаешь то, что Он захочет, чтобы ты знала. Кроме того, в эти стены не допускаются посторонние.

В памяти Кэтрин неожиданно возникла картина: какой-то мужчина разговаривает с ней в монастырском саду, передает ей что-то... Но все тут же исчезло.

– Я здесь чужая.

– Где же твое место?

В этом и было все дело.

– Я не уверена. Я что-то ищу. Простите меня, сестра, но я знаю, что это не здесь.

Сестра Тереза задумчиво изучала ее.

– Понимаю. И куда же ты пойдешь отсюда?

– Не знаю.

– Дай мне подумать, дитя мое. Мы вскоре вернемся к этому разговору.

– Благодарю вас, сестра.

После ухода Кэтрин сестра Тереза долго сидела, глядя перед собой. Ей предстояло принять трудное решение. Наконец она взяла листок бумаги и ручку и принялась писать.

«Уважаемый сэр, – начала она. – Произошло событие, о котором я считаю необходимым вас уведомить. Наш общий друг сказал мне, что желает покинуть монастырь. Посоветуйте мне, что делать».

Демирис прочел записку и, откинувшись в кресле, задумался над возможными последствиями. «Итак, Кэтрин Александер хочет воскреснуть из мертвых. Тем хуже для нее. Мне придется аккуратно, предельно аккуратно от нее избавиться. Прежде всего следует забрать ее из монастыря». Он решил, что настало время нанести визит сестре Терезе.

На следующее утро Константин Демирис приказал шоферу отвезти его в Янину. Сидя в машине, он думал о Кэтрин Александер. Он помнил, как она была хороша, когда он впервые ее увидел. Умница, с чувством юмора, всегда в хорошем настроении, в восторге от поездки в Грецию. «У нее было все», – подумал Демирис. И тут боги стали мстить. Кэтрин была замужем за одним из его летчиков, и их брак превратился в сущий ад. Буквально за несколько дней она постарела на десять лет и превратилась в толстую, неряшливую пьянчужку. Демирис вздохнул: «Какая жалость!»

Демирис сидел в кабинете сестры Терезы.

– Мне очень неприятно вас беспокоить, – говорила сестра Тереза, – но я не знаю, куда она может поехать...

– Вы поступили совершенно правильно, – уверил ее Константин Демирис. – Она что-нибудь вспомнила о себе?

Сестра Тереза отрицательно покачала головой:

– Нет. Бедняжка... – Она подошла к окну и посмотрела на нескольких монахинь, работающих в саду. – Вон она.

Демирис подошел к сестре Терезе и тоже выглянул в окно. Он увидел спины трех монахинь. Некоторое время спустя одна из них обернулась, и у него перехватило дыхание, когда он увидел ее лицо. Она была необыкновенно хороша. Куда девалась толстая замарашка!

– Вон она, в середине, – сказала сестра Тереза.

Демирис кивнул:

– Я вижу. – «Осторожно». – Мне надо подумать, – сказал он. – Я дам вам знать.

Константин Демирис должен был принять какое-то решение. То, как Кэтрин выглядела, поразило его. Она стала совсем другой. «Никто ее не узнает», – подумал он. Ему пришла в голову мысль настолько простая, что он едва не рассмеялся вслух.

В тот же вечер он отправил сестре Терезе записку.

«Это чудо, – подумала Кэтрин. – Сбылась моя мечта».

После вечерни сестра Тереза зашла в ее крошечную келью.

– У меня есть для тебя новость, дитя мое, – сказала она.

– Неужели?

Сестра Тереза тщательно подбирала слова:

– Хорошая новость. Я написала о тебе другу нашего монастыря, и он выразил желание тебе помочь.

Кэтрин почувствовала, как забилося сердце.

– Помочь мне... Каким образом?

– Он сам тебе об этом скажет. Он очень добрый и щедрый человек. Он заберет тебя отсюда.

При этих словах Кэтрин внезапно ощутила, как внутри у нее похолодело. Она отправится в незнакомый мир, о котором она ничего не помнит. «И кто же он, этот благодетель?»

Следующие две ночи Кэтрин не могла уснуть. Мысль о том, чтобы покинуть монастырь и оказаться лицом к лицу с незнакомым миром, внезапно испугала ее. Она казалась себе беззащитной и потерянной. «Может быть, мне лучше не знать, кто я. Боже, прошу Тебя, позаботься обо мне».

В семь часов утра в понедельник к монастырю подкатил роскошный лимузин. Всю ночь Кэтрин не спала, размышляя о том, что ждет ее в будущем.

Сестра Тереза проводила ее до калитки, за которой таилась неизвестность.

– Мы будем молиться за тебя. Помни, если захочешь вернуться, здесь тебе всегда найдется место.

– Спасибо, сестра. Я буду помнить.

Но в глубине души Кэтрин была уверена, что никогда сюда не вернется.

Путь от Янины до Афин был долгим. Самые разнообразные и противоречивые чувства переполняли Кэтрин. Хотя это было просто замечательно, что монастырь остался позади, в открывшемся ей мире чудилось что-то зловещее. Узнает ли она, что за ужасные события произошли в ее прошлом? Связано ли это как-то с ее повторяющимся сном, в котором кто-то пытался ее утопить?

Ближе к полудню на пути стали попадаться деревни, затем они въехали в пригород Афин, а еще некоторое время спустя были в центре шумного города. Город показался Кэтрин странным и нереальным, но в то же время каким-то очень знакомым. «Я была здесь раньше», – возбужденно подумала Кэтрин.

Машина продолжала двигаться в восточном направлении, и минут через пятнадцать они подъехали к громадной усадьбе, расположенной на холме. Миновав высокие железные ворота, каменный домик привратника и длинную аллею из величественных кипарисов, они остановились у большой белой виллы средиземноморского типа, которую украшали несколько великолепных статуй.

Шофер открыл дверцу, и Кэтрин вышла из машины. В дверях дома ее ждал мужчина.

– Kalimehra.

Совершенно неожиданно губы Кэтрин произнесли это греческое приветствие:

– Kalimehra. Вы... вы тот человек, который посылал за мной?

– Что вы, нет! Мистер Демирис ждет вас в библиотеке.

Демирис... Она никогда не слышала этого имени. Почему он захотел ей помочь?

Кэтрин проследовала за мужчиной через огромный круглый холл, стены которого были украшены керамикой Веджвуда³, а пол вымощен розовым итальянским мрамором.

В просторной гостиной со сводчатым потолком в разных местах были расставлены низкие удобные диваны и кресла. Одну из стен целиком занимало темное мерцающее полотно Гойи. Когда они подошли к дверям библиотеки, мужчина остановился:

³ Джозайя Веджвуд – английский керамист конца XVIII в.

– Мистер Демирис ждет вас.

Стены библиотеки были отделаны деревом. Вдоль них стояли полки с книгами в кожаных переплетах с золотым тиснением. За большим письменным столом сидел мужчина. Увидев Кэтрин, он поднялся. Он внимательно смотрел на нее, стараясь определить, узнала она его или нет, но ничего не заметил.

– Добро пожаловать. Я – Константин Демирис. А вас как зовут? – Он постарался спросить непринужденно. «Помнит ли она, как ее зовут?»

– Кэтрин Александер.

Он никак не прореагировал.

– Добро пожаловать, Кэтрин Александер. Пожалуйста, садитесь.

Сам он опустился на черный кожаный диван напротив нее. Вблизи она выглядела еще более очаровательной. «Потрясающая женщина, – подумал Демирис. – Даже в этом черном одеянии. Просто безобразие уничтожать такое чудо. Что ж, по крайней мере она умрет счастливой».

– Вы... вы так добры, что согласились встретиться со мной, – сказала Кэтрин. – Я не совсем понимаю, почему вы...

Он приветливо улыбнулся:

– На самом деле все очень просто. Я иногда помогаю сестре Терезе. Монастырь очень беден, ну я и делаю что могу. Когда она мне написала о вас и попросила помочь, я ответил, что буду только рад.

– С вашей стороны это очень... – Она замолчала, не зная, как продолжить. – Сестра Тереза говорила вам, что я... что я почти ничего не помню?

– Да, она что-то такое говорила. – Он помолчал и затем спросил как бы между прочим: – Но что-то вы все же помните?

– Я помню имя, но не знаю, кто я и откуда. Может быть, я смогу здесь, в Афинах, найти кого-нибудь, кто бы меня знал?

Демирис почувствовал внезапное беспокойство. Вот этого ему хотелось бы меньше всего.

– Вполне возможно, – заметил он осторожно. – Может быть, лучше обсудить все утром? К сожалению, у меня на сегодня намечена встреча. Я распорядился, чтобы для вас приготовили комнаты. Надеюсь, вам будет удобно.

– Я... просто не знаю, как вас благодарить.

– В этом нет необходимости, – отмахнулся он. – О вас здесь позаботятся. Чувствуйте себя как дома.

– Спасибо, мистер...

– Для друзей я – Коста.

Экономка привела Кэтрин в великолепную спальню, выдержанную в мягких светлых тонах. Там стояла огромная кровать с шелковым пологом, белые диваны и кресла, столы и лампы в античном стиле, на стенах висели картины импрессионистов. Бледно-зеленые шторы защищали комнату от палящего солнца. Вдали виднелась бирюзовая гладь моря.

– Мистер Демирис распорядился, чтобы сюда прислали одежду. Вы можете выбрать все, что пожелаете.

Кэтрин впервые вдруг осознала, что на ней до сих пор монашеское одеяние.

– Благодарю вас. – Она опустилась на мягкую постель. Ей казалось, что все происходит во сне. Кто этот незнакомец и почему он так добр к ней?

Часом позже прибыл фургон с разнообразной одеждой. В спальню Кэтрин пригласили модистку.

– Меня зовут миссис Димас. Давайте взглянем, с чем нам придется иметь дело. Вас не затруднит раздеться?

– Я... простите, что вы сказали?

– Не могли бы вы раздеться? Мне трудно представить, какая у вас фигура под этим платьем.

Как давно ей не приходилось стоять обнаженной перед кем-либо!

Кэтрин начала медленно раздеваться, испытывая чувство неловкости. Когда она разделась, миссис Димас оглядела ее с головы до ног и осталась явно довольна.

– У вас хорошая фигура. Полагаю, у нас не возникнет проблем.

Две девушки-помощницы внесли в спальню коробки с бельем, блузками, юбками и обувью.

– Выбирайте, что понравится, – предложила миссис Димас, – и примерьте.

– Я... мне все это не по карману, – возразила Кэтрин. – У меня нет денег.

Модистка рассмеялась:

– Не думаю, что с деньгами будут какие-то проблемы. Мистер Демирис об этом позаботится.

«Но почему?»

Прикосновение ткани к телу напомнило ей о той одежде, которую она когда-то, по всей вероятности, носила. Это были шелк, твид и хлопок самых изысканных расцветок.

Три женщины работали быстро и проворно, и через пару часов Кэтрин стала обладательницей нескольких прекрасных туалетов. Переполненная самыми разнообразными чувствами, она сидела, не зная, что делать дальше.

«Я одета с головы до ног, – думала она, – а идти мне некуда». Впрочем, идти было куда. В город. Ключ к тому, что с ней произошло, спрятан где-то в Афинах. В этом она была уверена. Кэтрин встала: «Ну что же, незнакомка, попробуем узнать, кто ты».

Когда Кэтрин спустилась в главный холл, к ней подошел дворецкий:

– Могу ли я что-нибудь для вас сделать, мисс?

– Да. Мне хотелось бы поехать в город. Не могли бы вы заказать для меня такси?

– В этом нет необходимости, мисс. В вашем распоряжении машина. Я скажу шоферу.

Кэтрин заколебалась:

– Спасибо. – Не рассердится ли мистер Демирис, если она поедет в город? Но он ей этого не запрещал.

Через несколько минут она уже сидела на заднем сиденье роскошного «даймлера», направляющегося в Афины.

...От шума и гвалта города и бесконечной череды руин и памятников у Кэтрин закружилась голова.

Шофер показал рукой вперед и гордо сказал:

– Это Парфенон, мисс, на вершине Акрополя.

Кэтрин взглянула на знакомое белое мраморное здание.

– В честь Афины, богини мудрости, – услышала она свой голос.

Шофер одобрительно улыбнулся:

– Вы интересуетесь греческой историей, мисс?

На глазах у Кэтрин появились слезы.

– Не знаю, – прошептала она. – Я не знаю.

Теперь они проезжали мимо развалин.

– Это театр аттика Геродота. Видите, часть стен еще сохранилась. Когда-то он вмещал пять тысяч зрителей.

– Шесть тысяч двести пятьдесят семь, – тихо сказала Кэтрин.

Среди бесценных руин всюду возвышались современные здания гостиниц и учреждений – экзотическая смесь прошлого и настоящего. Машина миновала большой парк в центре города со множеством сверкающих фонтанов. Парк окружали десятки столиков под голубыми навесами, укрепленными на зеленых и оранжевых столбиках.

«Я все это видела раньше, – думала Кэтрин, – и я тогда была счастлива».

Почти в каждом квартале встречались открытые кафе, а на углу предлагали только что выловленных губок. Везде продавали цветы, и цветочные палатки сверкали самыми разными красками.

Машина выехала на площадь Синтагма.

Когда они проезжали гостиницу, расположенную на углу, Кэтрин воскликнула:

– Остановитесь, пожалуйста!

Шофер припарковался перед поворотом. Кэтрин почувствовала, что ей трудно дышать. «Мне знакома эта гостиница. Я здесь жила».

Когда Кэтрин заговорила, голос ее дрожал.

– Я бы хотела здесь задержаться. Не могли бы вы заехать за мной, скажем, через два часа?

– Разумеется, мисс. – Шофер поспешил открыть ей дверь, и она вышла из машины. Жаркий летний воздух ударил ей в лицо. Ноги дрожали.

– Вы в порядке, мисс?

Она не знала, что ответить. У нее было впечатление, что она стоит на краю пропасти, готовая упасть в пугающую неизвестность.

Она шла по улице, удивляясь толпам людей и тому гвалту, который они создавали. После тишины и покоя монастыря все казалось ей нереальным. Кэтрин вдруг обнаружила, что она направляется к Плаке, древней части Афин в центре города, с ее кривыми улочками и осыпающимися, изношенными лестницами, ведущими к маленьким домикам, крошечным кафе и побеленным полуразрушенным строениям. Ее вел инстинкт, который она не хотела сдерживать. Она прошла мимо таверны на крыше дома, из которой открывался прекрасный вид на город, но внезапно остановилась.

«Я сидела вон за тем столом. Мне дали меню на греческом. Нас было трое...»

«– Что ты будешь есть?»

– Если не возражаешь, закажи за меня. А то я боюсь, что закажу хозяина.

Они рассмеялись».

Но кто были ее спутники?

К Кэтрин подошел хозяин:

– Boro na sas voithiso?

– Ochi, efharisto.

(«Могу я вам чем-нибудь помочь?» – «Нет, спасибо».)

«Откуда я это знаю? Я что, гречанка?»

Кэтрин поспешно двинулась дальше. Казалось, кто-то ее ведет. Она точно знала, куда идти.

Все вокруг было ей знакомо. И в то же время ничего. «Бог мой, – подумала она, – я схожу с ума. У меня галлюцинации». Она прошла мимо кафе, на вывеске которого было написано: «Трефлинкас». Где-то в закоулках ее памяти начали всплывать воспоминания. Здесь с ней что-то случилось, что-то очень важное. Но что именно, она не помнила.

Она прошла по шумным кривым улочкам и повернула налево, на улицу Воукоурестиоу. Здесь было множество дорогих магазинов. «Я ходила сюда за покупками». Она начала переходить улицу, и голубой «седан», вывернувшийся из-за угла, едва не сбил ее.

В ее памяти возник голос, говорящий: «Греки так и не перешли к автомобилям. В душе они все еще ездят на ослах. Если хочешь понять греков, не читай путеводители, прочти древние

греческие трагедии. Нас одолевают великие страсти, мы умеем бурно радоваться и глубоко печалиться. Мы не научились все это скрывать на цивилизованный манер».

Чьи это были слова?

Быстро идущий ей навстречу высокий брюнет вдруг уставился на нее. Он замедлил шаг, и по его лицу было видно, что он узнал ее. Но Кэтрин была уверена, что никогда не видела его раньше. Тем не менее...

– Привет. – Он явно был рад ее видеть.

– Привет. – Кэтрин перевела дыхание. – Вы меня знаете?

Мужчина улыбнулся:

– Разумеется, я вас знаю.

Кэтрин почувствовала, как быстрее забилось сердце. Наконец-то она узнает правду о своем прошлом. Но как в толпе, на улице, спросить незнакомого человека, кто она такая?

– Не могли бы мы... поговорить? – спросила она.

– Полагаю, стоит.

Кэтрин чувствовала, как ее охватывает паника. Сейчас выяснится, кто она такая. Вместе с тем ей было страшно. «Может быть, мне не стоит знать? А вдруг я сделала что-то ужасное?»

Мужчина привел ее в маленькое открытое кафе.

– Я рад, что встретил вас, – сказал он.

Кэтрин проглотила комок в горле:

– Я тоже.

Официант усадил их за столик.

– Что будете пить? – спросил мужчина.

Она покачала головой:

– Ничего.

Ей хотелось задать сразу столько вопросов. Но с чего начать?

– Вы прекрасно выглядите, – сказал мужчина. – Это судьба. Вы согласны?

– Да. – Она едва сдерживала дрожь возбуждения. Наконец она решилась. – Мы... где мы встречались раньше?

Он усмехнулся:

– Какое это имеет значение, koritsimon? В Париже, Риме, на скачках, на вечеринке. – Он наклонился и сжал ей руку. – Я таких красоток, как ты, здесь не встречал. Сколько ты берешь?

Какое-то мгновение Кэтрин смотрела на него, не понимая, о чем речь, затем резко вскочила на ноги.

– Эй, в чем дело? Я тебе заплачу, сколько...

Но Кэтрин уже бежала по улице. Завернув за угол, она замедлила шаг и заплакала от пережитого унижения.

Впереди она увидела небольшой ресторанчик и в его окне вывеску: «МАДАМ ПИРИС – ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА». Кэтрин было прошла мимо, но потом остановилась. «Я знакома с миссис Пирис. Я была здесь раньше». Сердце опять забилось быстрее. Она почувствовала, что за этими темными дверями лежит разгадка ее тайны. Открыв дверь, она вошла. Потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте, царящей в комнате. Там, в углу, был бар, который она узнала, и десяток столов и стульев. Подошедший официант обратился к ней по-гречески:

– Kalimehra.

– Kalimehra. Poi inei мадам Пирис?

– Мадам Пирис?

Официант показал на незанятый столик в углу. Кэтрин пошла туда и села. Все было точно так, как она помнила.

К столику подошла неправдоподобно старая женщина в черном, с лицом, изрытым морщинами.

– Чем могу?.. – Она замолчала, взглядываясь в лицо Кэтрин. – Я когда-то знала тебя, но твое лицо... – От изумления челюсть у нее отвисла. – Ты вернулась!

– Вы знаете, кто я? – спросила Кэтрин с надеждой.

Женщина все смотрела на нее, и глаза ее наполнились ужасом:

– Нет! Ты умерла! Убирайся!

Кэтрин негромко застонала и почувствовала, что у нее на голове шевелятся волосы.

– Пожалуйста, я только...

– Уходите, миссис Дуглас!

– Я должна знать...

Старуха перекрестилась, повернулась и исчезла.

Мгновение Кэтрин сидела дрожа, затем выбежала на улицу. В голове ее продолжал звучать голос: «Миссис Дуглас!»

И вдруг как будто открылся шлюз. Неожиданно ее заполнили яркие, красочные воспоминания. «Я – миссис Ларри Дуглас». Она увидела красивое лицо своего мужа. Она его безумно любила, но случилось что-то плохое. Что же?

Затем она вспомнила, как очнулась в клинике после попытки самоубийства.

Она стояла на улице, боясь сделать шаг, из опасения, что могут подкоситься ноги, и одна картина за другой возникали в ее памяти.

...Она много пила, потому что Ларри бросил ее. Но потом он вернулся. Вот они у нее в квартире, и Ларри говорит: «Я знаю, что вел себя скверно. Кэтти, поверь, я исправлюсь. Я тебя люблю. Никогда никого другого я по-настоящему не любил. Дай мне шанс. Хочешь, устроим себе еще один медовый месяц? Я знаю одно чудесное местечко, куда можно поехать. Называется Янина».

Потом начался кошмар.

Картины, возникавшие в ее памяти, были ужасными. Вот она и Ларри на вершине горы, они почти не видят друг друга в густом тумане. Ларри приближается к ней, руки его вытянуты вперед – он пытается столкнуть ее в пропасть. Спасают ее внезапно появившиеся туристы.

Потом были пещеры.

«Служащий гостиницы рассказал мне, что тут поблизости есть пещеры. Все новобрачные их посещают».

И они пошли в пещеры. Ларри завел ее в самую глубину и там бросил.

Кэтрин закрыла ладонями уши, как бы пытаясь заглушить эти страшные воспоминания.

Ее спасли и привели в гостиницу, и доктор дал ей успокоительное. Но среди ночи она проснулась и слышала, как Ларри и его любовница разговаривают на кухне, строя план ее убийства. Их слова время от времени заглушались завываниями ветра.

«– Никто никогда...»

– Говорю тебе, я все сделаю...

– Не получилось. Они ничего не смогут...

– ...сейчас, пока она спит».

Она вспомнила, как бежала в страшный шторм, преследуемая ими, как залезла в лодку, которую сильный ветер вынес на середину бурного озера. Лодка начала тонуть, и она потеряла сознание.

* * *

Сил двигаться не было, и Кэтрин опустилась на скамейку. Значит, ее ночные кошмары были реальностью. Ее муж и его любовница пытались ее убить.

Она вспомнила о незнакомце, который навестил ее в монастыре вскоре после спасения. Он дал ей великолепно выполненную золотую птицу с распростертыми крыльями: «Никто вас не тронет. Ваших врагов нет в живых». Но лицо этого человека все еще было как в тумане.

У Кэтрин начала сильно болеть голова.

Наконец она встала и медленно пошла в направлении той улицы, где ее должен был ждать шофер, чтобы отвезти к Константину Демирису. Там она будет в безопасности.

Глава 4

– Зачем ты выпустил ее из дому? – сердито спросил Константин Демирис.

– Простите, сэр, – ответил дворецкий, – но вы ничего не сказали насчет того, чтобы не выпускать ее, поэтому...

Демирис заставил себя успокоиться:

– Не важно. Возможно, она вскоре вернется.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Нет.

Дворецкий вышел. Демирис подошел к окну и впери́л взгляд в идеально ухоженный сад. Опасно было выпускать Кэтрин Александер на улицы Афин, там ее мог кто-нибудь узнать. «Какая жалость, что я не могу оставить ее в живых! Но сначала я должен отомстить. И пока я не отомщу, пусть она живет. Использую ее в свое удовольствие. Надо будет отослать ее подальше, где ее никто не знает. В Лондоне будет безопаснее всего. Там за ней легче проследить. Дам ей работу в одной из моих контор».

Когда часом позже Кэтрин вернулась, Константин Демирис мгновенно почувствовал в ней перемену. Как будто поднялась какая-то темная завеса, и Кэтрин внезапно ожила. На ней был белый шелковый костюм с белой блузкой, и Демирис был поражен, насколько она изменилась внешне. «Nostimi, – подумал он. – Сексапильна».

– Мистер Демирис...

– Коста.

– Я... я теперь знаю, кто я и что случилось.

Ничего не изменилось в его лице.

– В самом деле? Садитесь, моя дорогая, и расскажите мне все.

Но Кэтрин была так возбуждена, что ей не сиделось на месте. Она ходила взад-вперед по ковру и сбивчиво рассказывала.

– Мой муж и его... его любовница пытались меня убить. – Она замолчала, глядя на него с беспокойством. – Наверное, это дико звучит. Я... я не знаю. Может, я сошла с ума.

– Продолжайте, моя милая, – сказал он мягко.

– Меня спасли монахини из монастыря. Мой муж работал на вас, верно? – выпалила она. Демирис заколебался, взвешивая ответ.

– Да. – «Что можно ей сказать?» – Он был одним из моих летчиков. Поэтому я чувствую себя ответственным за вас. Вот только...

Она взглянула ему прямо в лицо:

– Но вы знали, кто я. Почему вы мне утром ничего не сказали?

– Я опасался шока, – сказал он мягко. – Мне казалось, что будет лучше, если вы сами все узнаете.

– А вы знаете, что случилось с моим мужем и... этой женщиной? Где они?

Демирис посмотрел ей в глаза:

– Их казнили.

Он увидел, как кровь отлила у нее от лица. Неожиданно она почувствовала слабость и с тихим восклицанием упала в кресло.

– Я не...

– Их казнили по приговору государства, Кэтрин.

– Но... почему?

«Осторожно. Опасно».

– Они ведь пытались вас убить.

Кэтрин нахмурилась:

– Не понимаю. Зачем надо было их казнить? Я ведь жива...

– Кэтрин, – перебил ее Демирис, – греческие законы очень суровы. И на приговор мы скоры. Их судили общественным судом. Ряд свидетелей показали, что ваш муж и Ноэль Пейдж пытались убить вас. Их судили и приговорили к смертной казни.

– В это трудно поверить. – Кэтрин сидела как в оцепенении.

– Суд...

Константин Демирис подошел к ней и положил руки ей на плечи.

– Вы должны выбросить прошлое из головы. Они попытались причинить вам зло и понесли за это наказание. – Он сменил тему. – Мы с вами должны обсудить ваше будущее. У вас есть какие-нибудь планы?

Но она не слышала. «Ларри, – думала она. – Красивое, смеющееся лицо Ларри. Его руки, его голос...»

– Кэтрин...

Она взглянула на него:

– Простите?

– Вы когда-нибудь думали о своем будущем?

– Нет, я... Не знаю, что буду делать. Наверное, я могла бы остаться в Афинах...

– Нет, – твердо сказал Демирис. – Это вы плохо придумали. С Афинами у вас связано слишком много неприятных воспоминаний. Думаю, из Греции вам стоит уехать.

– Но мне некуда ехать.

– Я думал об этом, – сказал Демирис. – У меня несколько контор в Лондоне. Вы ведь когда-то работали в Вашингтоне у человека, которого звали Уильям Фрейзер? Помните?

– Уильям?... – И неожиданно она вспомнила.

– Вы были его помощницей по административной части, не так ли?

– Да, я...

– Вы можете делать то же самое в Лондоне для меня.

Она заколебалась:

– Не знаю. Я не хочу показаться неблагодарной, но...

– Я понимаю. Вам кажется, события принимают слишком крутой оборот, – сочувственно сказал Демирис. – Вам нужно время, чтобы подумать. Почему бы вам не поужинать спокойно у себя в комнате, а завтра утром мы все обсудим.

Идея предложить ей поужинать у себя в комнате озарила его в самый последний момент. Нельзя было допустить, чтобы жена на нее наткнулась.

– Вы очень заботливы, – сказала Кэтрин, – и щедры. Эта одежда...

Он похлопал ее по руке и задержал свою на секунду дольше, чем нужно.

– Не стоит благодарности.

Она сидела в спальне, наблюдая, как раскаленное солнце садится в воды Эгейского моря, окрашивая все вокруг в яркие краски. «Нет смысла снова переживать прошлое. Надо думать о будущем. Хвала Господу за Константина Демириса». Он был ее спасением. Что было бы с ней, если бы не он? И он предложил ей работу в Лондоне. «Согласиться?» Размышления ее прервал стук в дверь.

– Ваш ужин, мисс.

После ухода Кэтрин Константин Демирис долго сидел в библиотеке, размышляя над их разговором. Ноэль. Лишь однажды в жизни Демирис позволил себе потерять контроль над чувствами. Он страстно влюбился в Ноэль Пейдж, и она стала его любовницей. Он никогда не встречал такой женщины. Она обладала глубокими познаниями в искусстве, музыке, бизнесе – практически во всем. Ничего в Ноэль не удивляло его. И вместе с тем она поражала его постоянно. Он был как одержимый. Она была самой прекрасной и чувственной женщиной из всех, кого Демирис когда-либо знал. Она отказалась от блестящей карьеры кинозвезды, чтобы

быть с ним. Она была его любовницей, другом, человеком, кому он поверял свои тайны. Она пробудила в нем чувства, которых он ранее не знал. Он доверял ей полностью, а она предала его с Ларри Дугласом. За эту ошибку Ноэль заплатила жизнью. Константин Демирис договорился с властями, чтобы ее похоронили на кладбище на Псаре – его собственном острове в Эгейском море. Все поговаривали о том, какой это прекрасный и сентиментальный жест. На самом же деле Демирис добился захоронения этой сучки там для того, чтобы иметь возможность плевать на ее могилу. В собственной спальне Демириса, у его изголовья, стоял портрет Ноэль, один из наиболее удачных. Она смотрела на него и улыбалась. Улыбка, застывшая навеки.

Даже теперь, хотя прошло уже больше года, Демирис не мог забыть ее – открытая рана, которую не сможет залечить ни один врач.

«Почему, Ноэль, ну почему? Я дал тебе все. Я любил тебя, сука ты эдакая. Я любил тебя. Я люблю тебя».

И этот Ларри Дуглас. Он поплатился своей жизнью. Но Демирису было этого мало. Он задумал другую месть. Идеальную. Он насладится женой Дугласа так же, как Дуглас наслаждался Ноэль. А затем Кэтрин присоединится к своему мужу.

– Коста... – Это был голос жены.

В библиотеку вошла Мелина.

Константин Демирис был женат на Мелине Ламброу, привлекательной женщине из семьи старых греческих аристократов. Она была высокого роста и держалась с королевским достоинством.

– Коста, кто эта женщина, которую я встретила в холле?

Вопрос застал его врасплох.

– Кто? А, это приятельница моего делового партнера. Она будет работать у меня в лондонской конторе.

– Я видела ее только мельком. И она мне кого-то напомнила.

– В самом деле?

– Да. – Мелина замолчала в нерешительности. – Она напомнила мне жену летчика, который у тебя работал. Но ведь это невозможно. Они же ее убили.

– Да, – согласился Демирис, – они ее убили.

Он не спускал глаз с уходящей Мелины. Нужно быть осторожным. Мелина далеко не дура. «Не надо было мне на ней жениться, – подумал Демирис. – Большую я сделал ошибку».

Десятью годами ранее свадьба Мелины Ламброу и Константина Демириса шокировала деловые и светские круги от Афин до Ривьеры и Ньюпорта. Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что месяцем раньше новобрачная была обручена с другим человеком.

Ребенком Мелина Ламброу огорчала семью своим своеволием. В десять лет она решила стать моряком. Шофер, работавший на семью, поймал ее в порту, когда она пыталась прокрасться на судно, и с позором привел домой. В двенадцать лет она хотела убежать со странствующим цирком.

К семнадцати годам Мелина смирилась со своей судьбой – она была красивой, фантастически богатой дочерью Михалиса Ламброу. Газеты с удовольствием писали о ней. Она была существом из сказки, все ее друзья – принцы и принцессы. Вместе с тем каким-то чудесным образом Мелине удалось остаться неиспорченной. У нее был единственный брат, Спирос, на десять лет ее старше, и они обожали друг друга. Когда Мелине было тринадцать, их родители погибли при кораблекрушении, и впоследствии ее воспитанием занимался Спирос.

Спирос всячески оберегал ее. С точки зрения Мелины, здесь он перебарщивал. Между тем Мелина подросла, и Спиросу прибавилось забот: он тщательнейшим образом изучал всех претендентов на ее руку. И ни один из них не казался ему достойным этой чести.

– Ты должна быть осторожной, – постоянно поучал он Мелину. – Ты – лакомый кусочек для любого охотника за богатой невестой. Ты молода, богата, красива и знатна.

– Браво, милый мой братец. Все это послужит мне большим утешением, когда я умру старой девой в восемьдесят лет.

– Не беспокойся, Мелина. Кто-нибудь подходящий обязательно попадется.

Его звали граф Вассилис Манос, ему было за сорок, он был удачливым бизнесменом родом из очень хорошей греческой семьи. Граф мгновенно влюбился в прекрасную Мелину. И через несколько недель после их первой встречи сделал ей предложение.

– Просто идеальная партия, – говорил счастливый Спирос. – Он твердо стоит на ногах и от тебя без ума.

Мелина не разделяла его восторга:

– Он скучный, Спирос. Со мной он говорит только о бизнесе, и ни о чем другом. Мне бы хотелось, чтобы он был более романтически настроен.

Но брат сказал твердо:

– Брак – это больше чем романтика. Тебе нужен надежный и преданный муж.

В конце концов Мелину убедили принять предложение графа. Граф был вне себя от радости.

– Вы сделали меня самым счастливым человеком в мире, – сказал он. – Я только что создал новую компанию. Назову ее «Мелина интернэшнл».

Она предпочла бы дюжину роз. Назначили день свадьбы, разослали тысячу приглашений и приступили к подготовке.

Как раз в это время в жизнь Мелины вошел Константин Демирис. Они встретились на одной из многочисленных вечеринок, которые давались в честь будущих молодоженов.

Их представила друг другу хозяйка дома:

– Познакомьтесь. Мелина Ламброу.

– Константин Демирис.

Демирис пристально посмотрел на нее оценивающим взглядом.

– И как долго вы с нами пробудете? – спросил он.

– Простите, как вы сказали?

– Вне сомнения, вы были ниспосланы нам с небес, чтобы научить нас, смертных, что такое красота.

Мелина засмеялась:

– Вы мне льстите, мистер Демирис.

Он покачал головой:

– Вам невозможно польстить. Я не могу найти слов, чтобы отдать вам должное.

Подошедший в этот момент граф Манос прервал их разговор.

Поздно ночью, перед сном, Мелина думала о Демирисе. Разумеется, она слышала о нем и раньше. Он был богатым вдовцом и пользовался репутацией крутого бизнесмена и неутомимого искателя любовных приключений. «Как хорошо, что между нами ничего нет», – подумала Мелина.

Боги смеялись.

На следующее утро после вечеринки в комнату, где завтракала Мелина, вошел дворецкий:

– Прибыл пакет для вас, мисс Ламброу. Его привез шофер мистера Демириса.

– Принесите, пожалуйста.

«Итак, Константин Демирис решил поразить меня своим богатством. Что ж, его ждет разочарование. Что бы это ни было – дорогая безделушка, бесценная антикварная вещь... я тут же отправлю это ему назад».

Пакет был небольшой, продолговатой формы, в очень красивой упаковке. Сгорая от любопытства, Мелина развернула его. На карточке она прочитала простые слова: «Надеюсь, вам понравится. Константин».

Это был экземпляр романа «Toda Raba» Никоса Казанцакиса, ее любимого писателя, в кожаном переплете. «И откуда он узнал?»

Мелина написала коротенькую благодарственную записку и подумала: «Вот и все».

На следующее утро прибыл еще пакет: на этот раз пластинка с музыкой Делиуса, ее любимого композитора. В записке было сказано: «Может быть, вам будет приятно читать «Toda Raba» под эту музыку».

С этого дня он каждый день что-нибудь присылал ей: ее любимые цветы, духи, ноты, книги. Константин Демирис постарался разузнать о ее вкусах, и, надо было признаться, ей его внимание льстило.

Когда Мелина позвонила, чтобы поблагодарить его, Демирис сказал:

– Я не могу подарить вам ничего по-настоящему достойного вас.

«Скольким женщинам он говорил эти слова?»

– Вы не пообедаете со мной, Мелина?

Она уже совсем собралась отказаться, но подумала: «Какой может быть от этого вред? Он так внимателен».

– С удовольствием.

Когда она сказала графу Маносу, что собирается встретиться с Демирисом, тот принялся возражать:

– Зачем, моя дорогая? У вас нет ничего общего с этим ужасным человеком. Зачем вам с ним встречаться?

– Вассилис, он каждый день посылает мне небольшие подарки. Я хочу сказать ему, чтобы он прекратил это. – Мелина не успела произнести эти слова, как отметила про себя, что вполне могла сказать ему это по телефону.

Константин Демирис заказал столик в фешенебельном ресторане «Флока» на улице Панепистимиоу. Когда Мелина приехала, он уже ждал ее.

Увидев ее, он поднялся:

– А вот и вы. Я так боялся, что вы передумаете.

– Я всегда делаю то, что обещала.

Он взглянул на нее и сказал торжественно:

– Я тоже всегда держу слово. Я на вас женюсь.

Мелина, которую эти слова не только слегка позабавили, но и рассердили, покачала головой:

– Мистер Демирис, я обручена совсем с другим человеком.

– Маносом? – Он пренебрежительно махнул рукой. – Он вам не подходит.

– В самом деле? И почему же, позвольте спросить?

– Я интересовался им. У него в роду были сумасшедшие, он болен гемофилией, его разыскивает полиция Брюсселя по обвинению в изнасиловании, и он отвратительно играет в теннис.

Мелина не смогла удержаться от смеха:

– А вы?

– Я не играю в теннис.

– Понятно. И по этой причине я должна выйти за вас замуж?

– Нет. Вы будете моей женой, потому что я собираюсь сделать вас самой счастливой женщиной в мире.

– Мистер Демирис...

Он взял ее руку:

– Коста.

Она отняла руку:

– Мистер Демирис, я пришла сюда сегодня, чтобы просить вас больше не посылать мне подарков. Я не собираюсь еще раз с вами встречаться.

Он долго и внимательно ее изучал.

– Я убежден, что вы не жестоки по натуре.

– Надеюсь, что нет.

Он улыбнулся:

– Прекрасно. Тогда вы не разобьете мое сердце.

– Не думаю, чтобы это легко было сделать. Ваша репутация говорит об обратном.

– А, это все кончилось, когда я встретил вас. Я так долго о вас мечтал.

Мелина рассмеялась.

– Я говорю серьезно. Еще в юности я много читал о семействе Ламброу. Вы были так богаты, а я был так беден. У меня ничего не было. Мы едва сводили концы с концами. Отец был портовым грузчиком. У меня четырнадцать братьев и сестер. Нам все давалось с боем.

Сама того не желая, она растрогалась:

– Но теперь-то вы богаты.

– Верно. И буду еще богаче.

– Что помогло вам разбогатеть?

– Голод. Я был всегда голоден. Я и сейчас голоден.

По его глазам она поняла, что он говорит правду.

– Как... как все это началось?

– Вы действительно хотите это знать?

– Я действительно хочу это знать, – неожиданно для себя сказала Мелина.

– Когда мне было семнадцать лет, я начал работать на небольшую нефтяную компанию на Ближнем Востоке. Мне не особенно везло. Как-то я ужинал с молодым геологом, работавшим на крупную нефтяную компанию. В тот вечер я заказал бифштекс, а он только тарелку супа. Я спросил его, почему он тоже не заказывает бифштекс, и услышал, что у него нет коренных зубов, а на протезы не хватает денег. И я дал ему пятьдесят долларов на новые зубы. Через месяц он позвонил мне среди ночи, чтобы рассказать, что он только что обнаружил месторождение нефти. Он еще не сказал об этом своему хозяину. Утром я занял сколько смог денег и к вечеру приобрел права на земли вокруг нового месторождения. Оно оказалось одним из крупнейших в мире.

Мелина как замороженная ловила каждое его слово.

– Так все началось. Нужны были танкеры для перевозки нефти, поэтому я их купил. Потом нефтеперерабатывающие заводы. Потом авиалинии. – Он пожал плечами. – Так оно и пошло.

Только через несколько лет после их женитьбы Мелина узнала, что история с бифштексом была сплошным вымыслом.

Мелина Ламброу не собиралась снова встречаться с Демирисом. Но путем тщательно организованных случайностей он всегда оказывался на тех же приемах, тех же театральных спектаклях, тех же благотворительных балах, что и Мелина. И каждый раз она ощущала его неотразимый магнетизм. Хотя ей неприятно было себе в этом признаться, рядом с ним Вассилис Манос казался очень скучным.

Мелина Ламброу обожала фламандских художников, и когда продавалась картина Брейгеля «Охотники на снегу», она собралась было купить ее, но не успела, так как получила ее в подарок от Демириса.

Мелину поражало, как хорошо он изучил ее вкусы.

– Я не могу принять от вас такой дорогой подарок, – возразила она.

– А это вовсе не подарок. Вам придется заплатить: поужинать со мной сегодня.

И Мелина согласилась. Этот человек был неотразим.

Еще через неделю Мелина порвала с графом Маносом.

Когда Мелина рассказала об этом брату, он потерял дар речи.

– Но почему? – спросил Спирос. – Ради всего святого, почему?

– Потому что я выхожу замуж за Константина Демириса.

Он пришел в негодование:

– Да ты совсем спятила. Ты не можешь выйти замуж за Демириса. Он – чудовище. Он уничтожит тебя. Если...

– Ты ошибаешься на его счет, Спирос. Он великолепен. И мы любим друг друга. Мы...

– Это ты его любишь, – резко возразил он. – Не знаю, что у него на уме, но к любви это не имеет никакого отношения. Ты что, не знаешь, какая у него репутация в смысле женщин? Он...

– Это все в прошлом, Спирос. Я буду его женой.

И что бы Спирос ни говорил, она своего решения не изменила.

Месяцем позже Мелина Ламброу и Константин Демирис стали мужем и женой.

Поначалу брак казался идеальным. Константин был остроумен и внимателен. Он был опытным и страстным любовником и постоянно баловал Мелину дорогими подарками и путешествиями во всякие экзотические места. В их первую брачную ночь он сказал ей:

– У моей первой жены не было детей. У нас с тобой будет много сыновей.

– Дочерей не нужно? – пошутила Мелина.

– Если ты хочешь. Но сначала сын.

Он был в восторге, узнав, что Мелина беременна.

– Он унаследует от меня мою империю, – объявил он.

На третьем месяце у Мелины случился выкидыш. Константин Демирис был в отъезде, когда это произошло. Вернувшись и узнав о случившемся, он пришел в ярость.

– Что ты сделала? – закричал он. – Как это могло произойти?

– Коста, я...

– Ты была неосторожна.

– Да нет же, клянусь тебе...

Он глубоко вздохнул:

– Ладно. Что было, то было. У нас будет другой сын.

– Я... у меня не будет детей. – Она боялась взглянуть ему в глаза.

– Что ты такое говоришь?

– Пришлось делать операцию. Я не смогу иметь детей.

На мгновение он замер, потом повернулся и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

С этого мгновения жизнь Мелины превратилась в ад. Константин Демирис вел себя так, как будто его жена намеренно убила их сына. Он полностью игнорировал ее и ухаживал за другими женщинами.

Мелина могла бы еще как-то с этим мириться, если бы не то унижение, которое она испытывала от того, с каким удовольствием он афишировал свои связи. Не таясь, он завязывал интрижки с кинозвездами, оперными певицами и женами своих приятелей. Он возил своих любовниц на Псару, катал их на яхте и появлялся с ними на публике. Пресса злорадно рассказывала о каждом новом романтическом приключении Константина Демириса.

* * *

Как-то они были на ужине у известного банкира.

– Вы с Мелиной должны обязательно прийти, – сказал банкир. – У меня новый повар-китаец, он готовит великолепные китайские блюда.

Среди гостей было много известных личностей: актеров, политиков, промышленников. Ужин был на самом деле чем-то выдающимся. Повар приготовил суп из акульих плавников, запеченные в тесте креветки, свинину по-китайски, утку по-пекински, ребрышки, вермишель под пикантным соусом и многое, многое другое.

Мелина сидела рядом с хозяином на одном конце стола, а Демирис – рядом с хозяйкой на другом. Справа от Демириса сидела прелестная молодая кинозвезда. Демирис разговаривал только с ней, не обращая внимания на других гостей. До Мелины доносились обрывки их разговора.

– После того как вы закончите картину, вы обязательно должны побывать на моей яхте. Там вы сможете отдохнуть. Мы поплывем мимо побережья Далмации...

Мелина старалась не слушать, но это было невозможно. Демирис вовсе не старался говорить тише.

– Вы ведь никогда не были на Псаре, правда? Псара – прелестный маленький остров, совершенно изолированный. Вам там понравится.

Мелине хотелось спрятаться под стол. Но худшее было еще впереди.

Они только что покончили с ребрышками, и слуги внесли серебряные чаши, чтобы гости могли обмыть пальцы.

Когда чашу поставили перед кинозвездой, Демирис сказал: «А вам это не потребуется» – и, ухмыляясь, принялся медленно слизывать соус с ее пальцев. Гости отводили глаза в сторону.

Мелина встала и повернулась к хозяину: «Простите меня, я хочу уйти. У меня... у меня разболелась голова».

Все присутствующие следили за ней, когда она выходила из комнаты. Ни в ту ночь, ни в следующую Демирис ночевать домой не пришел.

Когда Спирос узнал о том, что произошло, он был вне себя от бешенства.

– Ты только скажи, – бушевал он, – и я убью этого сукина сына.

– Он не может ничего с собой поделать, – защищала его Мелина, – уж такой у него характер.

– Характер? Да он просто животное! Его следует засадить за решетку. Почему ты с ним не разведешься?

Мелина Демирис сама задавала себе этот вопрос долгими одинокими ночами. И ответ был всегда один и тот же: я люблю его.

В половине шестого утра горничная, извиняясь, разбудила Кэтрин:

– Доброе утро, мисс...

Кэтрин открыла глаза и посмотрела вокруг, не сразу сообразив, где она находится. Вместо маленькой кельи – роскошная спальня... И снова нахлынули воспоминания. «Путешествие в Афины... Вы – Кэтрин Дуглас... Они были казнены...»

– Мисс...

– Да?

– Мистер Демирис спрашивает, не согласились бы вы позавтракать с ним на террасе?

Кэтрин смотрела на нее заспанными глазами. Она не могла заснуть до четырех утра, полная смятения.

– Благодарю вас. Скажите мистеру Демирису, что я сейчас приду.

* * *

Через двадцать минут дворецкий проводил Кэтрин на огромную террасу с видом на море. Низкая каменная стена ограждала ее. Двадцатью футами ниже начинался сад. Демирис ждал ее, сидя за столом. Он внимательно разглядывал Кэтрин, пока она шла к нему. Весь ее вид поражал какой-то необычной невинностью. Все это будет принадлежать ему, он будет владеть ею. Он представил ее обнаженной в своей постели. Она поможет ему еще раз отомстить Ноэль и Ларри. Демирис поднялся навстречу Кэтрин.

– Доброе утро. Простите, что так рано разбудил, но мне нужно быть в офисе через несколько минут, а я хотел бы с вами поговорить.

– Разумеется, – ответила Кэтрин.

Она села за большой мраморный стол напротив него, лицом к морю. Солнце только вставало, и море сверкало в его первых лучах.

– Что вам подать на завтрак?

Она покачала головой:

– Я не голодна.

– Тогда кофе?

– Спасибо.

Дворецкий налил кофе в бледно-оранжевую чашку.

– Ну, Кэтрин, – начал Демирис, – вы подумали о нашем разговоре?

Ночью Кэтрин не могла думать ни о чем другом. В Афинах ей делать было нечего, нигде в другом месте ее тоже не ждали. «Я не вернусь в монастырь», – поклялась она. Предложение работать у Константина Демириса в Лондоне казалось заманчивым. «Более того, – призналась себе Кэтрин, – мне оно по душе. Может быть, удастся начать новую жизнь».

– Да, я подумала, – ответила Кэтрин.

– Ну и?

– Я... мне бы хотелось попробовать.

Константину Демирису удалось не показать ей того облегчения, которое он испытывал.

– Я рад. Вы когда-нибудь были в Лондоне?

– Нет. То есть не думаю. – «Почему я не знаю наверняка?» В ее памяти было еще столько пугающих провалов. «Как много неожиданностей меня еще ждет?»

– Лондон – один из немногих цивилизованных городов в мире. Я уверен, он вам понравится.

Кэтрин поколебалась, прежде чем спросить:

– Мистер Демирис, почему вы принимаете во мне такое участие?

– Ну, скажем, я чувствую себя за вас ответственным. – Он помолчал. – Я познакомил вашего мужа с Ноэль Пейдж.

– А, – медленно протянула Кэтрин. Ноэль Пейдж. Имя вызывало в ней дрожь. Эти двое умерли во имя друг друга. «Наверное, Ларри очень ее любил».

Кэтрин заставила себя задать вопрос, который мучил ее всю ночь:

– А как... как их казнили?

Последовала небольшая пауза.

– Их расстреляли.

– О! – Она чувствовала, как пули вонзаются в плоть Ларри, рвут на части тело человека, которого она когда-то так любила. Она пожалела, что спросила.

– Позвольте дать вам совет. Не думайте о прошлом. От этого только больно. Считайте, что у вас все впереди.

– Наверное, вы правы, – нерешительно сказала Кэтрин. – Я попытаюсь.

– Прекрасно. Один из моих самолетов летит сегодня в Лондон. Не могли бы вы быстро собраться?

Кэтрин вспомнила о путешествиях, в которых она когда-то побывала с Ларри, о волнениях, связанных с подготовкой, сбором вещей и предвкушением радости.

На этот раз она едет одна, ей практически нечего упаковывать и не к чему готовиться.

– Да, мне не потребуется много времени на сборы.

– Отлично. Кстати, – заметил Демирис как бы между прочим, – теперь, когда память к вам вернулась, может быть, вы захотите увидеть кого-то из своего прошлого или дать кому-либо знать, что у вас все в порядке?

Одно имя сразу пришло ей на память – Уильям Фрейзер. Он был единственным человеком, оставшимся от прошлого. Но она знала, что еще не готова встретиться с ним. «Когда я устроюсь, – подумала Кэтрин, – когда я снова буду работать, я дам ему о себе знать».

Константин Демирис наблюдал за ней, ожидая ответа.

– Нет, – наконец произнесла Кэтрин, – никого.

Ей и в голову не могло прийти, что она только что спасла жизнь Уильяму Фрейзеру.

– Я позаботился о вашем паспорте. – Он протянул ей конверт. – Здесь аванс в счет вашего жалованья. Не беспокойтесь о жилье. У компании есть квартира в Лондоне. Вы сможете жить там.

Во все это было трудно поверить.

– Вы чересчур добры.

Он взял ее руку в свои.

– Вы еще узнаете, что я... – он не закончил предложение так, как хотел его закончить («Я должен действовать осторожно, – подумал он. – Не торопясь. Иначе я ее спугну»), – что я могу быть очень хорошим другом.

– Вы и так очень хороший друг.

Демирис улыбнулся: «Подожди же».

Еще через два часа Константин Демирис помог Кэтрин сесть на заднее сиденье «роллс-ройса», который должен был доставить ее в аэропорт.

– Всего хорошего в Лондоне, – сказал он. – Я вам позвоню.

Через пять минут после ее отъезда Константин Демирис разговаривал с Лондоном по телефону:

– Она уже в пути.

Глава 5

Самолет должен был отправиться из аэропорта Элленикон в девять часов утра. Это был «хоукер сиддели», и, к удивлению Кэтрин, она была единственным пассажиром. Летчик, грек средних лет с приятным лицом, которого звали Пантелис, убедился, что Кэтрин надежно привязана и что ей удобно.

– Взлетаем через несколько минут, – сказал он.

– Спасибо.

Кэтрин проследила, как он прошел в кабину, где его ждал второй пилот, и сердце ее забилось быстрее. «На этом самолете летал Ларри. Может быть, Ноэль Пейдж сидела в том же кресле?» Внезапно Кэтрин показалось, что она сейчас потеряет сознание. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. «Все кончено, – подумала она. – Демирис прав. Все это в прошлом, и ничего нельзя изменить».

Она услышала рев двигателей и открыла глаза. Самолет набирал высоту, направляясь в Лондон. «Как часто Ларри туда летал? Ларри...» Она была потрясена тем смешанным чувством, которое вызывало в ней его имя. И воспоминаниями. Прекрасными и ужасными.

Шел 1940 год. Через год Америка вступит в войну. Она только что окончила Северо-Западный университет и из Чикаго перебралась в Вашингтон, где начала работать.

Как-то соседка по комнате сообщила: «Знаешь, я слышала, что есть работа, которая может тебя заинтересовать. Одна девушка сказала, что она увольняется, хочет вернуться в Техас. Она работает у Билла Фрейзера. Он занимается связями с общественностью в госдепартаменте. Я вчера только об этом услышала, так что, если ты туда сразу пойдешь, ты опередишь других девушек».

Кэтрин немедленно помчалась туда и обнаружила в приемной у Фрейзера десятки претенденток на эту должность. «У меня нет ни малейшего шанса», – подумала она. В этот момент дверь кабинета открылась и на пороге возник Уильям Фрейзер, высокий, симпатичный блондин с копной выющихся волос, тронутых сединой на висках, пронзительными синими глазами и довольно массивной челюстью. Он обратился к секретарше:

– Мне нужен экземпляр «Лайф». Номер трех- или четырехнедельной давности. С портретом Сталина на обложке.

– Я закажу, мистер Фрейзер, – ответила секретарша.

– Салли, я сейчас говорю по телефону с сенатором Борахом и хочу прочитать ему абзац из этого номера. Так что в твоём распоряжении две минуты. – Он вернулся в кабинет и закрыл за собой дверь.

Претендентки посмотрели друг на друга и пожали плечами. Кэтрин стояла и напряженно думала. Потом повернулась и выскочила из офиса, успев услышать, как одна из женщин сказала: «Превосходно. Одной меньше».

Через три минуты Кэтрин вернулась с экземпляром старого «Лайф» с портретом Сталина на обложке и отдала его секретарше. Через пять минут Кэтрин пригласили в кабинет мистера Фрейзера.

– Салли сказала, *вы* принесли номер «Лайф»?

– Да, сэр.

– Не думаю, чтобы у вас случайно оказался в сумке номер журнала трехнедельной давности.

– Нет, сэр.

– Как же вы умудрились так быстро его найти?

– Пошла в парикмахерскую. В парикмахерских и еще у зубных врачей в приемных всегда лежат старые журналы.

– Вы всегда так хорошо соображаете?

– Нет, сэр.

– Ничего, мы это выясним, – сказал Уильям Фрейзер.

Так она нашла работу.

Кэтрин нравилось работать у Фрейзера. Он был богатым и общительным холостяком, который, казалось, знал всех в Вашингтоне. Журнал «Тайм» назвал его «самым завидным холостяком года».

За шесть месяцев работы у Уильяма Фрейзера у них сложились теплые дружеские отношения, вскоре переросшие в любовь. Когда он привел Кэтрин к себе в спальню, она сказала:

– Мне нужно кое-что тебе сказать. Я – девственница.

Фрейзер в изумлении покачал головой:

– Невероятно. Это же надо, связаться с единственной девственницей в Вашингтоне!

* * *

Однажды Уильям Фрейзер сказал ей:

– Нас попросили проследить за съемками фильма о наборе в ВВС, что снимается в Голливуде. Займись этим, пока я сметаюсь в Лондон.

– Я? Билл, я даже пленку в фотоаппарат вставить не умею. Что я понимаю в съемках учебного фильма?

Фрейзер усмехнулся:

– Не меньше других. Не волнуйся. У них есть директор, его зовут Аллан Бенджамин. Они там собираются актеров снимать.

– Почему?

– Наверное, им кажется, что солдаты недостаточно убедительны в роли солдат.

– Действительно, похоже на армию.

И Кэтрин вылетела в Голливуд, чтобы руководить съемками учебного фильма.

Съемочная площадка была забита массовой. Военная форма на многих плохо сидела.

– Извините, – обратилась Кэтрин к проходящему мимо человеку. – Где мне найти мистера Аллана Бенджамина?

– Маленького капрала? – Он показал рукой: – Вон он.

Кэтрин повернулась и увидела невысокого, хрупкого человека в военной форме с нашивками капрала. Он орал на человека в форме генерала.

– Насрать мне на то, что сказал директор. У меня до хрена генералов. Мне рядовые нужны. – Он в отчаянии воздел руки к небу. – Все хотят быть начальниками, никто не хочет быть индейцем.

– Извините, – вмешалась Кэтрин. – Я – Кэтрин Александер.

– Слава Богу! – воскликнул маленький человек. – Беритесь за дело. Я вообще не знаю, что здесь делаю. Я редактировал коммерческий мебельный журнал в Диаборне за 35 тысяч долларов в год, когда меня забрали в войска связи и послали писать сценарии учебных фильмов. Что я понимаю в режиссуре? Так что делайте что хотите. – Он повернулся и поспешил к выходу, оставив Кэтрин в одиночестве.

К ней подошел худой седой мужчина в свитере и насмешливо улыбнулся:

– Помощь не требуется?

– Требуется чудо, – ответила Кэтрин. – Я тут главная, но не имею представления, что от меня требуется.

Он усмехнулся:

– Добро пожаловать в Голливуд. Я – Том О'Брайн, помощник режиссера.

– Считаете, здесь можно что-то сделать?

Она заметила, что он едва сдержал улыбку.

– Можно попытаться. Я сделал шесть картин с Вилли Уайлером. Все не так плохо, как кажется. Просто требуется организующее начало. А так, сценарий есть, декорации построены.

Кэтрин оглядела съемочную площадку:

– На некоторых форма сидит ужасно. Давайте попытаемся что-то поправить.

О'Брайн одобрительно кивнул:

– Правильно.

Кэтрин и О'Брайн подошли к членам массовки. Гвалт на огромной съемочной площадке стоял оглушительный.

– Потише, парни, – крикнул О'Брайн. – Знакомьтесь, это мисс Александер. Она здесь будет за главную.

– Пожалуйста, – сказала Кэтрин, – постройтесь, чтобы можно было на вас посмотреть.

О'Брайн кое-как построил массовку. Кэтрин услышала смех и голоса и в раздражении повернулась. Один из мужчин в форме, стоящий с краю, не обращая на нее никакого внимания, болтал с хихикающими девицами, ловившими каждое его слово. Поведение мужчины разозлило Кэтрин.

– Извините, не желаете ли присоединиться к остальным?

Он повернулся и лениво спросил:

– Вы ко мне обращаетесь?

– Да. Нам хотелось бы начать работать.

Он был потрясающе хорош собой – высокого роста, стройный, с иссиня-черными волосами и бешеными темными глазами. Форма сидела на нем как влитая. На плечах виднелись капитанские нашивки, а грудь украшало яркое разноцветье лент. Кэтрин не могла отвести от них взгляда.

– Эти медали...

– Что, босс, впечатляет? – У него был низкий насмешливый голос.

– Снимите их.

– Почему? Хотел слегка раскрасить фильм.

– Вы забыли об одном. Сегодня Америка не воюет. Все подумают, что вы заработали их на ярмарке.

– Вы правы, – согласился он, присмирев. – Я об этом не подумал. Я сниму часть.

– Снимите все, – резко сказала Кэтрин.

После утренних съемок, во время обеда, он подошел к ее столику:

– Ну как я сегодня утром? Достаточно был убедителен?

Его манеры действовали ей на нервы.

– Вам нравится носить форму и заигрывать с девочками. А пойти в армию вы не думали?

Он казался безмерно удивленным:

– Чтоб меня убили? Это для дураков.

Кэтрин еле сдерживалась:

– Я вас презираю.

– За что?

– Если вы не понимаете за что, мне никогда не удастся вам это объяснить.

– Может, попытаетесь? Сегодня за ужином. У вас. Вы готовить умеете?

– Не трудитесь возвращаться на съемочную площадку, – резко сказала Кэтрин. – Я распоряжусь, чтобы О'Брайн послал вам чек за сегодняшнюю работу. Ваше имя?

– Дуглас. Ларри Дуглас.

Воспоминания о наглом молодом актере грызли Кэтрин, но она решила забыть о нем раз и навсегда. Почему-то сделать это было труднее, чем решить.

Кэтрин вернулась в Вашингтон, и Уильям Фрейзер сказал ей:

– Я по тебе соскучился. Я много о тебе думал. Ты меня любишь?

– Очень, Билл.

– Я тебя тоже люблю. Давай пойдем сегодня и отпразднуем.

Кэтрин поняла, что сегодня вечером он сделает ей предложение.

Они пошли в «Джефферсон-клуб», где собиралась избранная публика. Во время ужина в зал вошел Ларри Дуглас все еще в военной форме и при всех регалиях. Не веря своим глазам, Кэтрин увидела, как он подошел к их столику и поздоровался, но не с ней, а с Фрейзером.

Фрейзер поднялся:

– Кэтти, познакомься, капитан Лоуренс Дуглас. Ларри, это мисс Александер, Кэтрин. Ларри служил в воздушных войсках, командовал звеном. Его уговорили возглавить базу истребителей в Виргинии, чтобы подготовить летчиков к боевым действиям.

Как в старом фильме, перед глазами Кэтрин пронеслись недавние сцены. Она вспомнила, как приказала ему снять нашивки и медали, что он и сделал с удовольствием. Какой же самодовольной и самоуверенной она была, да еще обозвала его трусом. Ей захотелось спрятаться под стол.

На следующий день Ларри Дуглас позвонил ей в контору, но она отказалась подойти к телефону. В конце рабочего дня он ждал ее у подъезда. Он снял все свои медали и ленты и оставил только нашивки старшего лейтенанта.

Улыбаясь, он подошел к ней:

– Так лучше?

Кэтрин уставилась на него:

– Разве разрешается носить не те знаки отличия?

– Понятия не имею. Я думал, это в вашей компетенции.

Она заглянула в его глаза и поняла, что пропала. Была в нем какая-то магнетическая сила, которой невозможно было противиться.

– Что вы от меня хотите?

– Всего. Я хочу вас.

Они отправились к нему на квартиру и занялись любовью. Это было такое счастье, о существовании которого Кэтрин и не подозревала, – фантастическое слияние, от которого качалась комната и вся Вселенная, окончившееся полным экстазом, потрясающее путешествие без начала и конца. Она лежала без сил, молча, крепко прижав его к себе, желая только одного – чтобы это длилось вечно.

Через пять часов они поженились в Мэриленде.

Теперь, в самолете, на пути в Лондон к новой жизни, Кэтрин думала: «Мы были так счастливы. Что же с нами случилось и когда? Романтические фильмы и песни о любви заманили нас в ловушку, заставив поверить, что все всегда кончается хорошо, что есть еще рыцари в сверкающих доспехах и что есть любовь, которая никогда не проходит. Мы поверили, что у Джеймса Стюарта и Донны Рид действительно была «Прекрасная жизнь», мы знали, что Кларк Гейбл и Клаудетта Колберт будут навеки вместе, после того как «Однажды вечером это слу-

чилось», мы лили слезы, когда Фредрик Марч вернулся к Мирне Лой, чтобы провести с ней «Лучшие годы жизни», и мы были уверены, что Джоан Фонтейн нашла свое счастье в объятиях Лоуренса Оливье в «Ребекке». «Я буду любить тебя всегда». Почему мужчины все знают наперед? Как они все просчитывают, с секундомером, что ли? «Какая глубина у океана?» Что имел в виду Ирвинг Берлинг? Один фут? Два фута? И это... «Навсегда и еще на один день». *Я ухожу. Дай мне развод. «Этот чудесный вечер». Давай залезем на гору Тцоумерка... «Ты, ночь и музыка». Управляющий гостиницей сказал мне, что здесь есть пещеры... Я люблю тебя... «Потому что я сентиментален». Никто никогда не узнает... Сейчас, пока она спит. «Люби меня». И мы слушали песни, смотрели фильмы и думали, что такая она и есть, жизнь. Я так верила своему мужу. Поверю ли я еще кому-нибудь? Что я такое сделала, что он захотел меня убить?»*

– Мисс Александер...

Кэтрин вздрогнула и не сразу поняла, где она находится. Рядом стоял летчик.

– Мы уже приземлились. Добро пожаловать в Лондон.

* * *

В аэропорту Кэтрин ждала машина. Шофер сказал:

– Я позабочусь о вашем багаже, мисс Александер. Меня зовут Альфред. Вы желаете поехать сразу к вам домой?

«Ко мне домой».

– Да, конечно.

Кэтрин свободно откинулась на сиденье. «Просто невозможно поверить». Демирис предоставил ей самолет и позаботился о квартире. Или он был добрейшим человеком в мире, или... Она просто не могла придумать, какое еще может быть «или». «Он добрейший человек в мире. Я должна найти способ показать ему, как я благодарна».

Квартира на улице Элизабет была просто роскошной. Огромный холл, прекрасно обставленная гостиная с хрустальной люстрой, отделанная панелями библиотека, кухня с богатым ассортиментом продуктов, три красивые спальни и помещение для прислуги.

У дверей Кэтрин встретила женщина лет сорока с небольшим, одетая в черное платье.

– День добрый, мисс Александер. Я – Анна, ваша экономка.

«Ну, разумеется. Моя экономка». Кэтрин уже начала принимать все эти чудеса как должное.

– Добрый день.

Шофер внес чемоданы Кэтрин в ее спальню.

– Машина в вашем распоряжении, – сказал он. – Скажите Анне, когда будете готовы ехать в контору. Я буду ждать вас.

«Машина в моем распоряжении. Само собой разумеется».

– Спасибо.

– Я распакую ваш багаж, – сказала Анна. – Если вам что-то нужно, просто скажите мне.

– Ничего и придумать не могу, – честно сказала Кэтрин.

Пока Анна распаковывала вещи, Кэтрин бродила по квартире. Потом отправилась в спальню поглядеть на новые великолепные платья, купленные ей Демирисом, и подумала: «Похоже на сбывшуюся прекрасную мечту». Ею овладело чувство полной нереальности происходящего. Всего сорок восемь часов назад она поливала цветы в монастыре. Теперь она живет как герцогиня. Интересно, какая у нее будет работа? «Я буду стараться. Я не подведу».

его». Неожиданно она почувствовала, что очень устала. Прилегла на мягкую удобную постель. «Отдохну минуточку», – решила она. И закрыла глаза.

Она тонула, звала на помощь. Ларри плыл к ней. Но когда он был уже рядом, он стал топить ее. И опять она была в темной пещере, отовсюду слетались летучие мыши, вцеплялись ей в волосы, били мокрыми крыльями по лицу. Содрогаясь, Кэтрин проснулась и в ужасе села на постели.

Постаралась дышать поглубже, чтобы успокоиться. «Хватит, – подумала она. – Все прошло. Это было вчера. А сегодня – это сегодня. Никто тебя не тронет. Никто. Больше никто».

Стоя у дверей Кэтрин, экономка Анна прислушивалась к крикам. Когда они смолкли, она выждала минуту, спустилась в холл и набрала номер Константина Демириса.

Контора «Греческой торговой корпорации» была расположена на улице Бонд, недалеко от Пиккадилли, в старом государственном здании, которое много лет назад было перестроено под офисы. Внешне здание было шедевром архитектуры – элегантное и изящное.

Когда Кэтрин приехала, все служащие ждали ее. Несколько человек стояли у самых дверей.

– Добро пожаловать, мисс Александер. Я – Эвелин Кэй. Это Карл... Такер... Мэтью... Дженни...

Все имена и лица слились в одно.

– Ваш офис ждет вас. Позвольте, я вас провожу.

– Спасибо.

Приемная была обставлена со вкусом: большой диван в стиле честерфилд⁴, два чиппендейловских⁵ стула и всюду – гобелены. Они прошли по длинному, покрытому ковром коридору, мимо конференц-зала, отделанного сосной, в центре которого стоял полированный стол и вокруг него – стулья с кожаной обивкой.

– Будьте как дома.

– Просто чудесно, – прошептала Кэтрин.

На письменном столе стояли свежие цветы.

– От мистера Демириса.

«Он обо всем подумал!»

Эвелин Кэй, проводившая ее до кабинета, была полной женщиной средних лет с приятным лицом и спокойными манерами.

– Пройдет несколько дней, пока вы привыкнете, но в принципе тут нет ничего сложного. Это один из важнейших центров империи Демириса. Мы занимаемся координацией отчетов, поступающих из подразделений в разных странах, и затем переправляем их в Афины. Я руковожу этой конторой. Вы будете моей помощницей.

– О! – «Значит, я помощник начальника этой конторы». Кэтрин и представления не имела, что от нее требовалось. Ей казалось, она попала в мир грез. Персональные самолеты, лимузины, прекрасная квартира с прислугой...

– Уим Вандин – наш местный математический гений. Он просчитывает все отчеты и составляет основную схему финансового анализа. У него ум работает быстрее, чем любой компьютер. Пойдемте в его офис, и я вас с ним познакомлю.

По коридору они прошли в офис в самом конце холла. Эвелин открыла дверь, не постучав.

– Уим, познакомься с моей новой помощницей.

⁴ Стиль мебели, модной в XVIII в.

⁵ Томас Чиппендейл – мастер мебельного искусства в XVIII в.

Кэтрин вошла в комнату, но остановилась на пороге. Уим Вандин оказался худым мужчиной лет тридцати с хвостиком. Рот его был слегка приоткрыт. С тупым и отсутствующим выражением на лице он смотрел в окно.

– Уим! Уим! Познакомься с Кэтрин Александер!

Он обернулся:

– Настоящее имя Екатерины I было Марта Скавронская. Она была служанкой, родилась в 1684 году, захвачена в плен русскими, вышла замуж за Петра I и была русской императрицей с 1725 по 1727 год; Екатерина Великая – дочь немецкого князя, родилась в 1729 году и вышла замуж за Петра, который стал императором Петром III в 1761 году. Убив его, сама стала императрицей. При ней трижды делили Польшу и было две войны с Турцией...

Казалось, этот монотонный поток информации нескончаем.

Пораженная, Кэтрин с запинкой произнесла:

– Это... это очень интересно.

Уим смотрел мимо нее.

Эвелин объяснила:

– Уим очень застенчив с незнакомыми.

«Застенчив? – подумала Кэтрин. – Да он с приветом. И это гений? Что же за работу мне придется выполнять?»

В Афинах, в своей конторе на улице Св. Геронда, Константин Демирис разговаривал по телефону с Альфредом, звонившим из Лондона.

– Прямо из аэропорта я отвез мисс Александер на квартиру и, как вы приказали, мистер Демирис, спросил, не хочется ли ей куда-нибудь поехать, но она отказалась.

– У нее вообще не было никаких внешних контактов?

– Нет, сэр. Разве что она позвонила по телефону из квартиры, сэр.

Об этом Демирис не беспокоился. Экономка Анна немедленно бы доложила ему. Успокоенный, он положил трубку. Она не представляла для него непосредственной опасности, следует только за ней присматривать. В этом мире она была одна как перст. Ей было не к кому обратиться, кроме своего благодетеля, Константина Демириса. «Надо будет вскоре съездить в Лондон, – подумал он весело. – Чем скорей, тем лучше».

Кэтрин нравилась ее новая работа. Ежедневно из разных частей света приходили отчеты о делах в огромной империи Демириса. Среди бумаг были счета за погрузку на сталелитейном заводе в Индиане, документы, касающиеся ревизии автомобильного предприятия в Италии, накладные от принадлежащих Демирису газет в Австралии, золотодобывающих приисков, от страховой компании. Кэтрин суммировала данные и следила за тем, чтобы информация попала к Уиму Вандину. Уим просматривал отчеты, пропускал все данные через тот невероятный компьютер, каким была его голова, и практически немедленно подсчитывал, какую прибыль получила компания или сколько потеряла.

Кэтрин нравилось ближе узнавать своих коллег, и она не уставала восхищаться красотой старого здания, в котором ей выпало работать.

Она как-то сказала об этом Эвелин в присутствии Уима, на что Уим заметил: «Это государственная таможня, построенная в 1721 году сэром Кристофером Уреном. После большого лондонского пожара Кристофер Урен переделал пятьдесят церквей, включая церковь святого Павла, святого Михаила и святой Невесты. Он – автор проектов Королевской биржи и Букингемского дворца. Здание переделали под офисы в 1907 году, и во время Второй мировой войны правительство официально объявило его бомбоубежищем на время налетов».

Бомбоубежищем служила большая бомбонепроницаемая комната, в которую можно было попасть через тяжелую железную дверь в подвале. Кэтрин побывала в этой комнате и

подумала о британцах, которые, стар и млад, прятались здесь от бомбежек гитлеровской авиации.

Сам по себе подвал был огромным, протянувшимся по всей длине дома. Там находилась бойлерная для обогрева всего здания, напичканная приборами и телефонами. С бойлером постоянно были неприятности. Уже несколько раз Кэтрин пришлось сопровождать ремонтных рабочих в подвал, чтобы осмотреть его. Каждый из них, немного повозившись около бойлера, объявлял его исцеленным от того, чем он предположительно был болен, и откланивался.

– У него такой опасный вид, – сказала как-то Кэтрин. – А он не может взорваться?

– Типун вам на язык, мисс! Конечно, нет. Предохранительный клапан видите? Значит, если бойлер перегревается, этот клапан выпускает лишний пар, и дело в шляпе. Никаких проблем.

После работы ее ждал Лондон со своим изобилием замечательных театральных, балетных и музыкальных спектаклей. Еще в нем есть такие интересные книжные магазины, как те, что принадлежали Хатчарду и Фойлу, и десятки музеев, маленьких лавочек древностей и ресторанов. Кэтрин посещала мастерские литографий, ходила за покупками к Харродсу, Фортнуму, Масону и Спенсеру, а по воскресеньям пила чай в гостинице «Савой».

Время от времени непрощенные мысли приходили ей в голову. Очень многое напоминало ей о Ларри. Голос... фраза... запах одеколона... песня. «Нет. С прошлым покончено. Теперь главное – будущее». С каждым днем она становилась все сильнее.

Кэтрин и Эвелин Кэй подружились и часто проводили время вместе. Как-то в воскресный день они пошли на художественную выставку на берегу Темзы. Десятки художников, молодых и старых, демонстрировали свои картины. У всех у них было одно общее – они были неудачниками, не имеющими возможности выставляться в художественных галереях. Картины были просто ужасны. Кэтрин купила одну из чистой жалости.

– Где вы ее повесите? – спросила Эвелин.

– В бойлерной, – ответила Кэтрин.

Часто, гуляя по лондонским улицам, они встречали художников, рисующих цветными мелками прямо на панели. Некоторые работы изумляли. Прохожие останавливались полюбоваться и бросали художникам монеты. Однажды днем, возвращаясь с обеда, Кэтрин остановилась понаблюдать за стариком, рисующим мелом великолепный пейзаж. Он уже заканчивал его, когда пошел дождь. Старик стоял и смотрел, как дождь смывает его картину. «Совсем как мою прошлую жизнь», – подумала Кэтрин.

Однажды Эвелин предложила Кэтрин поехать в шефердмаркет. «Очень интересное место», – сказала она.

Зрелище действительно было впечатляющее. Там был ресторанчик под названием «Тидди Долз», впервые открытый триста лет назад, журнальный киоск, женская парикмахерская, пекарня, магазины, торгующие антиквариатом, и несколько двух- и трехэтажных жилых зданий.

Таблички на почтовых ящиках казались очень старыми. На одной было написано: «Элен», а снизу – «Уроки французского». На другой – «Рози», а под именем – «Здесь обучают греческому».

– Здесь что, живут учителя?

Эвелин громко рассмеялась:

– В определенном смысле – да. Только предметы, которые преподают эти девушки, не стоит включать в школьную программу.

Увидев, как Кэтрин покраснела, Эвелин расхохоталась еще громче.

Большую часть времени Кэтрин была одна, но она так много работала, что скучать не приходилось. Она использовала все дни без остатка, как будто пыталась восполнить то, что у нее было украдено. Она не хотела думать ни о прошлом, ни о будущем. Она посетила Виндзорский замок и Кентерберии с его замечательным собором, а также Хэмптон-Корт. По выходным она отправлялась за город, останавливалась в маленьких уютных гостиницах и много гуляла.

«Я живу, – думала она. – Никто не родится счастливым. Каждый кузнец своего счастья. Я выжила. Я молода и здорова, и у меня все еще впереди».

В понедельник она возвращалась в контору к Эвелин, девушкам и Уиму Вандину.

Уим Вандин был для нее загадкой.

Кэтрин никогда не встречала никого хоть немного похожего на него. В конторе работало двадцать человек, и Уим Вандин, без всякого калькулятора, всегда знал, кому сколько причитается, сколько следует удержать и какой у каждого служащего страховой номер. Хотя дело-производство в конторе было в полном порядке, он держал все данные, касающиеся компании, в голове.

Он знал, какие были денежные поступления из каждого подразделения, и больше это или меньше, чем в прошлые месяцы за пять лет назад, когда он впервые начал работать в компании.

Уим Вандин помнил все, что когда-либо слышал или читал. Диапазон его знаний был умопомрачительным. Самый простой вопрос на любую тему вызывал поток информации. Вместе с тем он очень тяжело сходил с людьми.

Кэтрин спрашивала о нем Эвелин:

– Я совсем не понимаю Уима.

– Уим эксцентричен, – объяснила Эвелин. – Нужно принимать его таким, какой он есть. Ничего, кроме цифр, его не интересует. Не думаю, чтобы он обращал внимание на людей.

– У него есть друзья?

– Нет.

– А свидания? В смысле – с девушками.

– Нет.

Кэтрин казалось, что Уим очень одинок, и потому испытывала к нему родственные чувства.

Кэтрин не уставала удивляться, сколько Уим всего знает. Однажды у нее заболело ухо.

Уим сказал мрачно:

– Погода неподходящая. Лучше сходи к врачу.

– Спасибо, Уим. Я...

– Ухо состоит из ушной раковины, слухового канала, барабанной перепонки, нескольких косточек – молоточка, наковальни и стремени, барабанной полости, полукруглой перепонки, овального отверстия, евстахиевой трубы, слухового нерва и ушной улитки. – И удалится.

Однажды Кэтрин и Эвелин пригласили Уима пообедать с ними в маленьком местном ресторанчике. В помещении в глубине ресторана посетители развлекались метанием стрел.

– А ты интересуешься спортом, Уим? – спросила Кэтрин. – Когда-нибудь был на бейсболе?

– Бейсбол, – сказал Уим. – Мяч имеет девять с половиной дюймов в окружности. Сделан из ниток, намотанных на жесткий резиновый корпус. Сверху покрыт белой кожей. Бита обычно делается из ясеня, ее диаметр не больше 2,75 дюйма, а длина не более 42 дюймов.

«Он знает все статистические данные, – подумала Кэтрин, – но в состоянии ли он получать удовольствие, участвуя в игре?»

– Ты когда-нибудь играл в какие-нибудь спортивные игры? Например, в баскетбол?

– Площадка для игры в баскетбол должна иметь деревянное или бетонное покрытие. Мяч имеет сферическую кожаную крышку тридцати двух дюймов в диаметре. Резиновая камера

внутри надувается до давления в тринадцать атмосфер. Весит от двадцати до двадцати двух унций. Изобретен Джеймсом Найсмитом в 1891 году.

Другого ответа Кэтрин не дождалась.

Часто поведение Уима на людях оставляло желать много лучшего. Как-то в воскресенье Кэтрин и Эвелин взяли Уима с собой в Мейденнед. Зашли в таверну пообедать. К столу подошел официант:

– У нас сегодня свежие моллюски.

Кэтрин повернулась к Уиму:

– Ты любишь моллюски?

Уим ответил:

– Моллюски бывают длинные, круглые, острые, прибойные, однополые и кровяные.

Официант смотрел на него открыв рот:

– Не желаете заказать, сэр?

– Терпеть их не могу, – резко ответил Уим.

Кэтрин нравились все, с кем она работала, но Уим был чем-то особенным. Ум его превосходил все возможные пределы, и вместе с тем он был погружен в себя и одинок.

Как-то Кэтрин сказала Эвелин:

– Разве для Уима невозможно жить, как все? Влюбиться, жениться?

Эвелин вздохнула:

– Я же тебе говорила. Он лишен чувств. Он никогда ни к кому не будет по-настоящему привязан.

Но Кэтрин не верила, что такое возможно. Раз или два она заметила искорку симпатии, смеха в глазах Уима, и ей захотелось выманить его из скорлупы, помочь ему. Но, может быть, ей просто показалось?

Однажды все служащие конторы получили приглашение на благотворительный бал в гостинице «Савой».

Кэтрин вошла в кабинет Уима:

– Уим, ты умеешь танцевать?

Он взглянул на нее:

– Ритм фокстрота – полтора такта на четыре счета. Мужчина начинает с левой ноги и делает два шага вперед. Женщина начинает с правой ноги и делает два шага назад. За двумя медленными шагами следует быстрый шаг в сторону под прямым углом к медленным шагам. Наклон – мужчина шагает вперед левой ногой и медленно наклоняется, затем делает шаг вперед правой ногой, тоже медленно. Затем делает быстро шаг влево левой ногой. Затем, тоже быстро, приставляет правую ногу к левой ноге.

Кэтрин не нашлась что сказать. «Он знает все правильные слова, но не понимает, что они означают».

Позвонил Константин Демирис. Было уже поздно, и Кэтрин собиралась ложиться спать.

– Надеюсь, не помешал? Это Коста.

– Нет, что вы. – Ей было приятно слышать его голос. Ей не хватало бесед с ним, его советов. В конце концов, он был единственным, кто знал о ее прошлом. Он казался ей старым другом.

– Я думал о вас, Кэтрин. Боюсь, Лондон может показаться вам скучным. Вы же никого там не знаете.

– Мне действительно иногда бывает одиноко, – призналась Кэтрин. – Но я справляюсь. Я все время помню, что вы сказали: забудьте о прошлом, живите для будущего.

– Совершенно верно. Кстати, о будущем. Я завтра буду в Лондоне. Хотел бы пригласить вас на ужин.

– Буду очень рада, – с готовностью отозвалась Кэтрин. Она будет ждать встречи с нетерпением. У нее появится возможность выразить ему свою признательность.

Положив трубку, Константин Демирис улыбнулся про себя: погоня началась.

Они поужинали в «Ритце». Хотя зал ресторана отличался изысканностью, а еда была просто великолепна, Кэтрин с трудом могла обращать внимание на что-либо, кроме сидящего напротив нее мужчины. Ей так много надо было ему сказать.

– В вашей конторе замечательные служащие, – сказала она. – Уим просто поразителен. Мне никогда не приходилось встречать человека, который бы мог...

Но Демирис не слушал. Он смотрел на нее и думал, как она прекрасна и как уязвима. «Мне не следует ее торопить, – решил он. – Буду играть в эту игру не торопясь, чтобы наслаждаться победой. Посвящаю это тебе, Ноэль, и твоему любовнику».

– Вы долго пробудете в Лондоне? – спрашивала тем временем Кэтрин.

– День или два, не больше. Есть дела. – Это было правдой.

Однако он знал, что все вопросы можно было решить по телефону. Нет, в Лондон он прилетел, чтобы как-то сблизиться с Кэтрин, сделать ее эмоционально от себя зависимой. Он наклонился к ней:

– Кэтрин, я когда-нибудь вам рассказывал о том времени, когда я работал на нефтяных месторождениях в Саудовской Аравии?..

Демирис повез Кэтрин ужинать и на следующий вечер.

– Эвелин мне рассказала, как вы прекрасно работаете. Я вам прибавлю жалованье.

– Вы и так очень добры, – запротестовала Кэтрин. – Я...

Демирис заглянул ей в глаза:

– Вы и представить себе не можете, каким добрым я могу быть.

Кэтрин почувствовала себя неловко. «Он просто очень добрый, – подумала она. – Я не должна ничего себе воображать».

На следующий день Демирис собирался уезжать.

– Кэтрин, не хотите проводить меня в аэропорт?

– Конечно.

Он казался Кэтрин таким замечательным, что просто дух захватывало. Он был остроумен и блестящ, и его внимание льстило ей.

В аэропорту Демирис слегка поцеловал Кэтрин в щеку:

– Рад, что нам удалось побыть вместе, Кэтрин.

– Взаимно. Спасибо, Коста.

Она дождалась, пока самолет взлетит. «Он такой, необыкновенный, – сказала она себе. – Мне будет его не хватать».

Глава 6

Все поражались тем явно тесным дружеским отношениям, которые существовали между Константином Демирисом и его шурином Спиром Ламброу.

Спирос Ламброу был почти так же богат и могуществен, как и Демирис. Если Демирис владел самым большим грузовым флотом в мире, то Спирос Ламброу владел вторым по величине. Константин Демирис контролировал ряд газет и авиалиний, нефтепромыслов, сталелитейных заводов и золотых приисков, у Спироса Ламброу были страховые компании, банки, огромное количество недвижимости и химический завод. Они производили впечатление мирных соперников, более того – приятелей.

– Ну не чудесно ли, – говорили люди, – что два таких могущественных человека – большие друзья?

На самом же деле они были непримиримыми соперниками и презирали друг друга. Не успел Спирос Ламброу купить 100-футовую яхту, как Демирис спустил на воду яхту в 150 футов, с четырьмя дизельными двигателями, командой из тринадцати человек, двумя скоростными катерами и бассейном с пресной водой.

Едва флот Спироса Ламброу вырос до двадцати танкеров водоизмещением 200 000 тонн, как Константин Демирис увеличил свой флот до двадцати трех танкеров водоизмещением 650 000 тонн. Когда Спирос Ламброу приобрел несколько скаковых лошадей, Демирис немедленно купил целую конюшню, чтобы выставлять своих лошадей против него на скачках, где он в основном и выигрывал.

Они часто встречались, поскольку были членами одних и тех же благотворительных комитетов, заседали в одних и тех же правлениях. Встречались они и по-семейному.

Они были абсолютно полярны по темпераменту. Если Константин Демирис родился в бедной семье и сам пробил себе дорогу вверх, Спирос Ламброу был аристократом по рождению. Он был высок и элегантен, всегда безукоризненно одет, обладал прекрасными манерами. Старейшим его предком был Отто из Баварии, который когда-то правил Грецией. Во время ранних политических восстаний в Греции небольшому числу людей, принадлежащих к олигархии, удалось сколотить состояние на торговле, морских перевозках и земле. Одним из таких людей был отец Спироса Ламброу, и Спирос унаследовал его империю.

Долгие годы Спирос Ламброу и Константин Демирис прятались за фасадом дружелюбия. На самом же деле один стремился уничтожить другого. Демирисом руководил инстинкт выживания, Ламброу же хотел отомстить своему шурину за обращение с Мелиной.

Спирос Ламброу был человеком суеверным. Он сознавал, что в жизни ему повезло, и не хотел гневить богов. Время от времени он консультировался у экстрасенсов. У него хватало ума распознавать шарлатанов, но одна женщина-экстрасенс его поразила. Она предсказала, что у его сестры, Мелины, будет выкидыш, что замужество ее будет неудачным, и еще с десятка других событий, которые действительно имели место. Она жила в Афинах.

Звали ее мадам Пирис.

У Константина Демириса вошло в привычку каждое утро являться в свой офис на улице Св. Геронда ровно в шесть утра. К тому времени как его соперники приходили на работу, Демирис уже успевал провести деловые переговоры со своими агентами в десятке стран мира.

Личный кабинет Демириса представлял собой нечто грандиозное. Вид из огромных зеркальных окон открывался великолепный – все Афины лежали под ногами. Пол был из черного гранита. Мебель – сплошная сталь и кожа. Стены были увешаны картинами кубистов, среди них – картины Леже, Брака и с полдюжины работ Пикассо. Еще там был огромный письменный стол из стали и стекла и похожий на трон, обтянутый кожей стул. На столе в подставке

из хрусталя стояла посмертная маска Александра Великого. Надпись на подставке гласила: «Александрос. Защитник человека».

В это утро, когда Константин Демирис вошел в кабинет, телефон на его столе уже звонил. Только человек шесть знали номер этого телефона.

Демирис взял трубку:

– Kalimehra.

– Kalimehra. – Голос на другом конце провода принадлежал Никосу Веритосу, личному секретарю Спироса Ламброу. Чувствовалось, что он нервничает.

– Извините за беспокойство, мистер Демирис. Вы сказали, что если у меня будет информация, которая...

– Да, и что же?

– Мистер Ламброу собирается купить компанию «Аврора интернэшнл». Она в списке Нью-Йоркской фондовой биржи. У мистера Ламброу есть приятель в директорате, который сообщил ему по секрету, что эта компания получит заказ на постройку бомбардировщиков. Когда об этом станет известно, стоимость акций сразу поднимется...

– Меня не интересуют эти игры на бирже, – резко прервал его Демирис. – Не смейте меня беспокоить, если у вас нет ничего важного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.